ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (3051) Четверг, 19 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Джо Санчес расплачивается за авантюры Уолл-стрита

— Цены продолжают повышаться. Невозможно свести концы с концами. Мой заработок — это сейчас ничто. С каждым днем жить становится все труднее...

Так говорил корреспонденту американского профсоюзного журнала «Марч оф лейбор» Джо Санчес, сталевар из Гэри (штат Индиана), одного из крупнейших металлургических центров США.

Корреспондент «Марч оф лейбор» беседовал и с другими сталелитейщиками. И все его собеседники, почти в тех же выражениях, что и Джо Санчес, говорили о низкой заработной плате, о растущей дороговизне, о том, что хозяева монополий набивают карманы на гонке вооружений, которая сопровождается непрерывно усиливающимися ограблением и эксплуатацией трудящихся.

— Посмотрите на детей рабочих в школе: ни у кого из них нет ничего на завтрак, ни у кого нет достаточно теплой одежды, — говорила работница Мэри Соккетт из Янгстауна (штат Огайо). А Томас Стэплз с справедливым возмущением указывал, что, хотя он 27 лет гнул спину на одном из предприятий моргановского Стального треста, его труд и доныне оплачивается почти по самой низкой ставке. Заработок Стэплза на 25 процентов отстает даже от официального, явно заниженного «прожиточного минимума», а у него еще удерживают пятую часть в качестве налога на заработную плату.

Бедственное положение людей труда в США таково, что этого уже не в состоянии игнорировать даже такие органы реакционной печати, как «Нью-Йорк таймс». Комментируя официальные данные последней переписи населения, газета признает, что эти данные «не скрывают больше, что значительное число семей живет в бедности. В Соединенных Штатах много бедных». И далее: «Имеется много населенных пунктов... в которых бедность является скорее правилом, чем исключением».

Бывший президент США Трумэн в одном из своих последних посланий к конгрессу признал, что пятая часть населения страны «плохо питается, плохо одевается и живет в плохих жилищных условиях». В действительности, конечно, таково положение отнюдь не пятой, а несравненно более значительной части населения.

Нетрудно представить себе, сколько на самом деле таких, обреченных на бедность, на нищету семей в США, если, по данным профсоюза сталеваров, 97,5 процента всех рабочих Стального треста, этой крупнейшей металлургической монополии, не зарабатывают того, что даже министерство труда Соединенных Штатов считает «минимально необходимым»?!

Джо Санчес, Томас Стэплз, миллионы других рабочих Америки и Западной Европы являются жертвой неумолимого основного экономического закона современного капитализма. Главные черты и требования этого закона, указывает товарищ Сталин, таковы: «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей».

Дальнейшее снижение жизненного уровня Джо Санчеса, Томаса Стэплза и их товарищей сталелитейщиков, как и большинства американских рабочих, — прямой результат перевода капиталистического хозяйства США на военные рельсы. Десяткам миллионов санчесов и стэплзов в США и во всех странах агрессивного Атлантического блока приходится расплачиваться за гонку вооружений, обогащающую морганов и рокфеллеров; «...милитаризация, — подчеркивал в своем отчетном докладе XIX партсъезду товарищ Г. М. Маленков, — привела к резкому ухудшению жизненных условий народных масс. Увеличение налогов, рост цен на предметы массового потребления и инфляция усилили относительное и абсолютное обнищание трудящихся».

В США прямые налоги с населения за время с 1937—1938 г. по нынешний год увеличились более чем в 12 раз. Особенно резко возросли налоги с тех пор, как вторжение американской военщины в Корею послужило сигналом к лихорадочной гонке вооружений в США. За последние два года с половиной сумма подоходного налога, приходящаяся на душу населения в среднем, увеличилась с 130 до 207 долларов.

Не лучше обстоит дело и в Англии, где еще до недавнего нового повышения налоговых ставок налоги поглощали 53 процента заработной платы рабочих и служащих. По сравнению с довоенным периодом налоги в Англии возросли вдвое, во Франции — в 2,6 раза, в Италии — в полтора раза.

Во всех странах Атлантического блока инфляция, рост налогов и цен вызывают систематическое повышение стоимости жизни.

В США за два с половиной года авантюры в Корее стоимость жизни возросла на 25 процентов. В Англии, даже по заниженным официальным данным, цены на продовольствие за время с апреля 1951 года по апрель 1952 года повысились на 19 процентов, а в течение 1952 года были вновь значительно повышены цены на 95 видов продовольственных товаров. Во Франции с середины 1950 года до весны 1952 года стоимость жизни увеличилась более чем на 60 процентов. Она продолжала возрастать и во Франции, и в других капиталистических странах в течение второй половины прошлого года. Первые месяцы 1953 года сопровождаются новым ростом дороговизны в капиталистическом мире.

На наступление монополистов и послушных им правительств на жизненный уровень народных масс трудящиеся отвечают мощным подъемом стачечной борьбы. «...Большинство рабочих может сейчас приобрести на свою заработную плату меньше товаров, чем в июне 1950 года, в начале войны в Корее, — вынужден признать даже орган американских монополий «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт». Достаточно сказать, что в США, где прибыль капиталистов, выжимаемая в час из каждого занятого рабочего, возросла с момента начала военных действий в Корее в среднем на 45,6 процента, средняя часовая заработная плата рабочих увеличилась за тот же период лишь на 13 процентов, т. е. вдвое меньше, чем повысилась стоимость жизни.

Рабочим Франции в 1951 году удалось в ходе непрерывных стачечных боев вырвать у предпринимателей прибавку к заработной плате. С тех пор, однако, разрыв между заработками трудящихся и уровнем стоимости жизни опять увеличился, а правительство всячески противится новому повышению ставок заработной платы. «Правительство, — пишет видный французский профсоюзный деятель Анри Рейно, — крадет у рабочего класса 600 миллиардов франков, т. е. как раз столько, во сколько обходится в год продолжение войны во Вьетнаме».

Американский сталевар Джо Санчес и миллионы его товарищей по классу своим подневольным трудом, нищетой и голодом своих семей расплачиваются за неслыханное обогащение магнатов Уолл-стрита, пожинающих урожай еще не виданных прибылей на подготовке новой войны. Именно поэтому и падает реальная заработная плата трудящихся в США и других странах капиталистического мира. В Соединенных Штатах она сейчас на 10 процентов ниже, чем до войны в Корее, и на 30 процентов ниже, чем до второй мировой войны. В Англии она на 20 процентов ниже, чем в 1938 году. Во Франции она составляет менее половины довоенной.

Это подтверждают и данные о падении потребления широких масс населения Западной Европы и Америки. Например, в Англии продажа текстильных и швейных товаров в первой половине 1952 года была почти на 30 процентов ниже, чем в первой половине 1951 года. В США продажа готовой одежды за период с июня по октябрь 1952 года снизилась на 19 процентов. В США потребление масла сейчас в среднем на 42 процента ниже, чем было в 20-х годах. В Англии потребление мяса и масла на душу населения сейчас вдвое ниже, чем до второй мировой войны.

Обнищание широких масс, падение платежеспособного спроса трудящихся на товары вызывают явления перепроизводства в промышленности капиталистического Запада. США катятся к экономическому кризису. Страны Западной Европы находятся на пути к экономической катастрофе.

Неизбежное следствие этого — рост безработицы. В США насчитывается до 13 миллионов полностью и частично безработных, во Франции — около 3 миллионов, в Западной Германии — почти 3 миллиона, в Англии — до 500 тысяч безработных, в Италии — 5,5 миллиона безработных и полубезработных. Более 25 миллионов безработных и полубезработных в странах агрессивного Атлантического блока — это ли не уничтожающий приговор тем, кто, следуя примеру Гитлера, безуспешно пытается искать разрешения основных противоречий капитализма на путях милитаризации экономики и подготовки новой мировой войны?

Как учит опыт истории, политика искусственного раздувания военно-инфляционной конъюнктуры не может избавить и не избавляет г.г. империалистов от кризиса. Наоборот, она неизбежно ведет к нарастанию нового глубокого экономического кризиса и ставит капиталистическую систему перед лицом острых социальных потрясений.

Производство орудий разрушения и массового истребления людей становится основой экономики США и их сателлитов. Капиталистическая экономика разрушения, гарантируя наивысшие прибыли магнатам Уолл-стрита и их европейским вассалам, неспособна дать хлеб десяткам миллионов людей, своим трудом создающих огромные материальные ценности. Нищета, голод, трущобы в качестве жилищ, страдания и болезни, бич безработицы, подхлестывающий тех, кто еще имеет работу, — вот что несет широким народным массам «процветающая» военная экономика империализма!

На фоне этого упадка и хаоса в странах капитала, где милитаризация экономики является средством ограбления народа кучкой миллиардеров, где она становится прологом новой войны, угрожающей человечеству неслыханными бедствиями, ярким контрастом выделяются неуклонный рост и великая жизненная сила нашей советской социалистической экономики. В Советском Союзе в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма из года в год повышается благосостояние народа.

Основной экономический закон социализма, открытый гением Сталина, является великой движущей силой, рождающей замечательную творческую инициативу и героизм миллионов тружеников в СССР и в странах народной демократии.

Сталинские идеи прокладывают себе путь и к народным массам стран капитализма, открывая им глаза на происходящее вокруг них, озаряя им путь к грядущему.

Видя в исторических достижениях советского народа прообраз светлого завтра всего человечества, трудящиеся капиталистических стран с новой верой смотрят вперед. Миллионы санчесов и стэплзов — рабочих Америки и Западной Европы, — ведя с эксплуататорами-монополистами жестокую борьбу за хлеб для своих семей, за свои демократические права, сливают ее с борьбой миролюбивых народов против поджигателей новой войны, за мир и лучшее будущее всех трудящихся.

СВОИМИ ПУТЯМИ

В. КУЗНЕЦОВ,
инженер-конструктор, лауреат Сталинской премии

1. В конце минувшего года группа работников Ново-Краматорского ордена Ленина завода тяжелого машиностроения имени И. В. Сталина обратилась через газету «Правда Украины» ко всем конструкторам, производственникам и ученым, участвующим в создании советских машин, с призывом развернуть соревнование за выполнение директивы XIX съезда партии: снизить вес машин при одновременном улучшении их качества.

Конечно, и раньше советские машиностроители стремились к этой цели. Однако после решений XIX съезда партии наши конструкторы по-настоящему критически пересматривают свои идеи и расчеты, положенные в основу проектирования всех ранее выпущенных машин, и находят все новые возможности сделать их более легкими, производительными и надежными в эксплуатации.

«Находки» эти иной раз настолько просты, что невольно задумываешься: почему мы их не замечали раньше, почему лучшие решения пришли после того, как уже выпущена *большая серия машин?*

Думается, что основная причина таких «просчетов» в том, что конструкторы зачастую находятся во власти схемы, шаблона, в плену отживающих методов, несущих в себе пережитки капиталистической практики проектирования, а подчас и преклонения перед капиталистической техникой. Поясню эту мысль примерами.

В тридцатых годах многие советские угольные шахты были оборудованы американскими электроподъемными машинами. При первом же ознакомлении с ними в глаза бросалась явная несуразица. Конструкторы, проектировавшие эти машины, как будто бы сделали все от них зависящее, чтобы утяжелить машины, увеличить их вес. Основные детали были литые, хотя была полная возможность применить облегченные сварные конструкции. Творческая идея конструкторов, видимо, и заключалась в том, чтобы обеспечить наивысшую прибыль своей фирме, «набить» цену товару, поскольку подобного рода машины оплачиваются обычно с тонны их веса.

Конструкторское бюро нашего завода еще до войны создало новую подъемную машину для советских угольных шахт. Она вдвое легче американской, превосходит ее по производительности. Но сегодня, критически анализируя эту совсем неплохую машину, нельзя не признать, что, много сделав для облегчения ее основных узлов, мы все же не сумели тогда разобраться и преодолеть серьезные недостатки, присущие общепринятым схемам машин подобного типа. Совсем иное получилось, когда наши конструкторы серьезно занялись анализом работы электроподъемных машин на шахтах. Живая, новаторская, всегда движущаяся вперед практика социалистического производства поставила перед нами принципиально новые требования, которые уже нельзя было втиснуть в рамки даже лучших общепринятых схем. Пришлось отказаться от шаблонов. Потребовалось принципиально новое конструкторское решение.

Мы создали новую универсальную электроподъемную машину. Она в два с половиной раза легче американской машины соответствующей мощности. И габариты ее меньше. Регулировка же каната перестановкой барабанов осуществляется в секунды и производится непосредственно с пульта управления. Никакого сравнения современная американская электроподъемная машина с нашей не может выдержать. Так и должно быть! Такова непреложная закономерность развития в нашей стране.

Не следует упрощенно понимать, будто мы огульно опорочиваем все достижения конструкторской мысли в странах капитала. Вместе с тем советский конструктор всегда должен помнить, что для нашего машиностроения, вышедшего на первую линию мирового технического прогресса, не пристало и даже вредно некритическое подражательство, а тем более заимствование зарубежных конструкций. Нет в этом никакой необходимости. Практика социалистической эксплуатации машин, талантливые советские новаторы производства всегда подсказывают, открывают принципиально новые пути развития техники.

2. Слепое же следование общепринятым конструктивным схемам при создании машин для нашей индустрии ведет не только к просчетам, но зачастую дезориентирует конструкторов. За примерами итти недалеко.

Наш завод создал новые мощные горизонтально-ковочные машины. Они уже продолжительное время работают на заводах автотракторной промышленности. Но вот совсем недавно было получено от научных сотрудников Центрального бюро кузнечно-прессового машиностроения Министерства станкостроения СССР экспертное заключение по этим машинам. Несомненно, у наших «первенцев» есть немало недостатков. Но содержание экспертного заключения просто удивляло нас. Эксперты, сравнивая наши машины с подобного же типа зарубежными, критикуют нас именно за те оригинальные конструктивные решения, которые высоко оценены на советских заводах.

Кандидат технических наук тов. Шевяков и заместитель главного конструктора тов. Нистратов заверяют, например, что разработанная нами компоновка основных узлов машины порочна, и рекомендуют изменить ее по образу и подобию машины американской фирмы «Нейшенел». Работники же завода, где установлены наши ковочные машины, единодушно свидетельствуют, что при новой компоновке узлов значительно упрощаются монтаж и демонтаж, повышается эксплуатационная надежность машин, сокращается производственная площадь для их установки и т. д.

Если бы мы получили такое экспертное заключение в начальный период подготовки к освоению ковочных машин, возможно, мы кое от чего и отказались бы, поверив экспертам. Сейчас же, когда машины уже работают и получили высокую оценку, лишний раз убеждаешься, как вредно низкопоклонство перед капиталистической техникой.

Как же все-таки объяснить такую разноголосицу в оценке машин экспертами и производственниками? Да очень просто. В Центральном бюро машины оценивали по шаблону, исходя из общепринятых конструктивных схем, в полном отрыве от исследования их работы в эксплуатационных условиях. И это, к сожалению, не единственный случай в нашей практике, когда оторванные от живой жизни эксперты попадают во власть схем.

Содружество ученых, конструкторов и новаторов производства стало в СССР могучей силой. Конструкторы, как правило, выезжают на места, где эксплуатируются созданные ими машины. И всегда критика снизу помогает улучшить их конструктивные качества. Но одной только критики снизу недостаточно. Жизненно необходим квалифицированный, критический анализ машин сверху, силами нашей технической науки. Анализ этого должен, конечно, быть основан на исследовании и научном обобщении требований социалистического производства. Но с критикой сверху дело пока обстоит неудовлетворительно.

Мы вышли на первое место в мире по экскаваторостроению. Многие заводы выпускают у нас экскаваторы. Нередко приходится слышать резкую оценку той или иной машины. Но до сего времени не делалось попытки собрать конструкторов-экскаваторщиков вместе с эксплуатационниками и новаторами, работающими над принципиально новыми землеройными машинами (о них мы узнаем случайно, из печати). А обобщенный анализ работы всех типов машин помог бы вооружить конструкторов наилучшими решениями, новыми прогрессивными идеями и, следовательно, четко определить линию технической политики в этой важной для страны отрасли машиностроения. Ведь предстоят гигантские стройки, на которых землеройные работы измеряются астрономическими цифрами кубометров.

Кто должен заняться обобщением опыта проектирования и эксплуатации экскаваторов? Не думаю, что какой-либо отраслевой институт сможет справиться с такой задачей. Это может сделать Институт машиноведения Академии наук СССР, опираясь на отраслевые институты, координируя их работу. Это его прямое дело. Начав с исследования и обобщения опыта проектирования и эксплуатации наиболее широко применяемых в народном хозяйстве машин, наша техническая наука сможет вооружить конструкторов и производственников передовой теорией проектирования и эксплуатации машин.

3. Есть серьезные претензии у конструкторов и к нашим техническим журналам. Статьи о новых машинах имеют обычно информационный и, чего греха таить, захваливающий характер. И тут действуют «шаблон», подражание зарубежной технической печати. В капиталистических условиях машина — это товар, и его рекламируют, невзирая на любые недостатки. Нам это совсем не нужно. В Советском Союзе машина — не товар, это средство сбережения общественного труда и облегчения труда рабочего. Достижения нашей техники огромны, общеизвестны. И необходимо, чтобы техническая печать, помещая статьи о новых машинах, отмечала наряду с их достоинствами также конструкторские недоработки, просчеты, подвергала критическому разбору идею конструктора так же, как это практикуется в отношении произведений литературы и искусства. Без острой, принципиальной, нелицеприятной критики невозможно движение вперед. И здесь первое слово — за учеными-исследователями, виднейшими конструкторами.

Отставание технической науки от быстро растущих запросов производства сказывается и на весьма ответственном этапе проектирования, когда конструкторская идея выражается уже в конкретных расчетах, когда решается вопрос о весе, габаритах, прочности новой машины. Не так давно группе конструкторов было поручено продумать возможность снижения веса мельниц для помола угля. Мы выпускаем их уже много лет и в большом количестве. Конструкторы пришли к выводу, что можно уменьшить вес мельницы, но всего на 165 килограммов. А весит она 99 тонн. На техническом совещании, где обсуждались эти выводы, выяснилось, что легко уменьшить вес мельницы не на 165 килограммов, а почти на 4 тонны. Почему же конструкторы не сумели найти эти дополнительные возможности? Потому, что пользовались устаревшими расчетными нормативами.

Известно, что многие действующие нормативы прочности давно устарели. Они разработаны на основе формул и теорий полувековой давности, опровергнутых нашей передовой наукой и практикой. Эти «коэфициенты косности» в свое время подвергались резкой критике в печати. Никто их и не защищал. Но проходят годы, а конструкторы не получают новых научно обоснованных нормативов прочности, не знают даже, создаются ли они.

В пересмотре нуждаются и некоторые государственные стандарты. Они разработаны и приняты без достаточного учета требований производства. Наш завод изготовляет для великих строек краны грузоподъемностью в 310 тонн. Такие краны работают всегда спаренно, составляя подъемную силу в 620 тонн. Между тем максимальный вес деталей, для монтажа которых предназначены эти краны, не превышает 500 тонн. Разумно было бы снизить грузоподъемность кранов хотя бы до 280 тонн. Два таких крана, безусловно, обеспечили бы монтаж самой тяжелой детали. Но это противоречит ГОСТ. И завод делает краны в 315 тонн, расходует дополнительно металл, заведомо зная, что мощность кранов не будет использована.

Откуда взялся этот стандарт? Никто вразумительно не ответит, так же как и не объяснит, почему сила давления ковочных машин по стандартам должна определяться рядом цифр: 1024 тонны, 2047 тонн и т. д. Почему не круглыми цифрами: 1000 или 2000 тонн? Всего вероятней потому, что стандарты разрабатывались по заграничным образцам и «хвостики» появились в результате перевода английских фунтов в русские меры. А ведь «хвостик» в 24 тонны...

4. На Ново-Краматорском заводе вошло в традицию выставлять рядом с «Доской почета», на которой вывешиваются портреты лучших людей, щиты с изображениями новых, осваиваемых машин. В них находят свое воплощение вдохновенный труд новаторов производства, творческие дерзания конструкторов, достижения нашей передовой технической науки. В прошлом году на щитах можно было увидеть: первый советский электрический экскаватор на гусеничном ходу с ковшом емкостью в 15 кубометров, мощные ковочные машины и прессы, прокатные станы, могучий блуминг огромной производительности.

В нынешнем году на щитах появятся экскаваторы с дизель-электрическим приводом, приспособленные к условиям работы на 1000-километровой пересекающей пустыню трассе Главного Туркменского канала, уникальный кран для великих строек грузоподъемностью в 500 тонн и другие.

Советские люди делают все более мощные машины. Иначе и быть не может в нашей стране, где действует основной экономический закон социализма, существенной чертой и требованием которого является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

Необозримые просторы открыты для творчества советского конструктора. Марка «Сделано в СССР» уже сейчас стоит на лучших в мире машинах. Но наши машины могут и должны быть еще более производительными, легкими, долговечными.

Соревнование за дальнейшее снижение веса машин и улучшение их качества, несомненно, будет способствовать решению этих задач, а также разоблачению отживших уже методов проектирования, консервативных, сдерживающих развитие техники нормативов, стандартов.

КРАМАТОРСК

Проблемы Сталинградского моря

СТАЛИНГРАД. (**Наш корр.**). Волга покрыта льдом. Снежные метели проносятся над застывшей рекой. Потрескивают морозы. Но и в такую пору не замирает жизнь на левом лесистом берегу реки. С сухим треском валятся деревья; мощные гусеничные тракторы волокут их через сугробы. Обнажаются многочисленные волжские островки, поросшие кустарником. Десятки сел и деревень готовятся к переезду на новое место.

Здесь будет дно будущего Сталинградского водохранилища. По праву называют это будущее водохранилище морем. Его длина превысит 500 километров, объем воды составит 33 миллиарда кубометров.

В то время, как строители заняты очисткой территории будущего моря, ученые и изыскатели озабочены его долголетием. Известно немало случаев, когда крупные водохранилища в довольно короткое время оказывались полностью покрыты илом.

Научные экспедиции, проделавшие огромные исследовательские работы на берегах будущего Сталинградского моря, подсчитали, что в результате разрушительного действия Волги в водохранилище будет обрушено огромное количество земли.

Недавно в Сталинграде состоялось совещание работников экспедиции «Агролесопроекта», на котором обсуждались вопросы защиты Сталинградского моря от заиления и размыва его берегов. Прикаспийская экспедиция предложила так разрешить эту проблему. Все водохранилище берется в мощное зеленое кольцо шириной от 15 до 30 километров. Лесонасаждения будут произведены на площади в 100 тысяч гектаров. Берега Волги покроются густыми лесами, будут разбиты десятки парков, садов. Эти и другие мероприятия, как подсчитали ученые, намного увеличат срок службы Сталинградского моря.

ДОКУМЕНТЫ СЛАВЫ

ПО ЗАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Человек расклеивает «Декрет о мире». Он в серой солдатской шинели, с красной ленточкой на папахе. В руках у него пачка листовок и ведерко с клейстером. Но за плечами винтовка, у пояса гранаты — он готов защищать мир! Эта картина «Первый декрет советской власти — декрет о мире» открывает первый стенд Центрального музея Советской Армии в Москве.

Рядом другое полотно — «Разгром немецких оккупантов под Псковом 23 февраля 1918 г.» По заснеженным полям, в пороховом дыму идут в атаку солдаты с алыми ленточками на папахах. Присмотревшись, мы узнаем в них тех, кто недавно расклеивал «Декрет о мире». Этот бой в защиту мира был днем рождения нашей славной армии.

Ее первым боем был бой с **иностранными интервентами** — под Псковом и Нарвой. Более трех десятилетий лежат под музейным стеклом американские винтовки «Винчестер», осколки английских тяжелых снарядов, подобранные в районе Архангельска, японские винтовки «Арисака», германские пулеметы «МГ-08», французские винтовки «Лебель».

— Посмотрите на эту фотографию, — говорит экскурсовод, — что она напоминает вам?

Бухта Золотой Рог во Владивостоке. 1918 год. На рейде скопище военных судов американских интервентов. Разве не похожа эта фотография на современные снимки американских военных эскадр где-нибудь в бухте Неаполя или Марселя!

Только палачу генералу Деникину Соединенные Штаты и Англия передали 350 тысяч винтовок, 200 орудий, 30 танков, миллионы снарядов и патронов — читаем мы на другом стенде. С американским оружием Деникин начал поход на Москву.

Что же он нес советским людям на заморских штыках? В музее хранится текст приказа № 1 Деникина населению гор. Юзовки и его района: «1. Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать на месте. 2. Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня...»

В застекленном футляре страшный экспонат: высохшая коричневая человеческая кожа с белыми ногтями. Она была содрана с руки пленного красноармейца ставленниками англо-американцев в станице Сахарной Уральской области.

52 тысячи советских людей были брошены в тюрьмы Мурманска, Архангельска, Владивостока и других городов, оккупированных англо-американскими интервентами. Четыре тысячи человек были расстреляны.

В жестоких боях Красная Армия разбила иностранных интервентов. На всем земном шаре трудящиеся приветствовали победу первого в мире социалистического миролюбивого государства.

Солдат с пятиконечной звездой на фуражке встал у пограничного столба СССР, охраняя мир и труд. Он держал границу на замке, отбрасывая врага, где бы тот ни появлялся — у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, на Карельском перешейке.

В центре первого из залов, посвященных Великой Отечественной войне, стоит под стеклом телеграфный аппарат Бодо-Д" № 233. Он находился в ставке Верховного Главнокомандующего. По этому аппарату товарищ Сталин связывался с командующими фронтами и армиями. Драгоценная реликвия!

По Бодо-Д" № 233 были переданы приказы Верховного Главнокомандующего об освобождении Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Австрии, Норвегии, где многие миллионы людей ждали армию-освободительницу. Борьба Советской Армии окрыляла оккупированные народы Европы: — Есть сила, способная разбить Гитлера и цепи рабства! Свобода идет с Востока!

Страшная справка висит на одном из стендов музея. Она гласит: золотые зубы жертв Майданека и Освенцима скупал у фашистского правительства Базельский банк международных расчетов. Во главе его стоял нью-йоркский банкир Томас Г. Маккатрик. Крупные американские компании финансировали германскую фирму «Сименс—Гальске», которая поставляла оборудование для газовых камер Освенцима.

От Майданека и Освенцима избавила Европу Советская Армия. Тысячи экспонатов музея рассказывают о ее победах на огромном пространстве от Волги до Эльбы, от Ледовитого океана до Адриатики. Мы видим иссеченные осколками и пулями боевые знамена, прославленные пушки, снайперские винтовки с бесчисленными зарубками на прикладах, макеты танков, самолетов и боевых кораблей, экипажи которых покрыли себя бессмертием.

И рядом с этим историческим оружием героев — томики «Василия Теркина» А. Твардовского, «Непокоренных» Б. Горбатова, газетные статьи А. Толстого и М. Шолохова, фронтовые газеты и листовки, бывшие на вооружении наших солдат.

Отдельный зал занимают образцы подарков Советской Армии от освобожденных народов. Трудящиеся Австрии прислали макет гранитного обелиска, воздвигнутого в честь освобождения Вены советскими войсками.

Такие обелиски в честь армии-освободительницы воздвигнуты в Будапеште, в Софии, в Праге, в Братиславе — в сотнях городов и сел от Карпат до албанских гор, до норвежских фиордов.

Последние стенды показывают послевоенный подъем народного хозяйства СССР, стройки коммунизма, будни Советской Армии в мирные дни. С каждым днем растет мощь Советского государства и его Вооруженных Сил, охраняющих мир и труд.

...Над витриной с документами XIX съезда партии висит большая фотопанорама: у пограничного столба СССР стоит боец с винтовкой. Лицо его спокойно, глаза зорки. Это сын и внук тех русских солдат, которые провозгласили «Декрет о мире» и тридцать пять лет назад нанесли первый сокрушительный удар иностранным интервентам. На фуражке у молодого бойца красная пятиконечная звездочка — эмблема советских Вооруженных Сил, символ Труда и Мира.

Л. ЮЩЕНКО

Вчера в Центральном доме литераторов

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный 35-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Вечер открыл Б. Лавренев. С докладом выступил контр-адмирал Б. Балев. Поэты С. Смирнов, А. Фатьянов, Н. Доризо прочли свои стихи, посвященные Советской Армии. В заключение состоялось выступление самодеятельных коллективов частей Московского военного округа.

В Центральном доме литераторов открыта выставка картин, посвященная славным подвигам героев Великой Отечественной войны.

ТАК ЗАВОЕВЫВАЮТ ДОВЕРИЕ

В воскресное утро 22 февраля избиратели Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Литвы, Эстонии и Молдавии придут на избирательные участки, чтобы выполнить свой гражданский долг, — проголосовать за кандидатов в депутаты местных Советов. Среди полутора миллионов кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных, людей облекаемых доверием народа, есть рабочие и колхозники, ученые, врачи и артисты, железнодорожники и писатели, партийные и советские работники, военные деятели. Двум из кандидатов — грузинскому сталевару Иванэ Метревели и литовскому слесарю Иозасу Циунелису — посвящены публикуемые ниже очерки писателей Г. Чиковани и Л. Славина.

Сталевар из Рустави

— Принимай эстафету, дружок!.. — встретил Иванэ Метревели коренастый, широколицый сталевар Иван Филиппович Самцов, протягивая ему журнал печи. — Завалку закончил на 40 минут раньше, сталь уже плавится.

— Вижу, Иван Филиппович, — живо отозвался Метревели и приподнял фуражку, на которой были укреплены синие очки. Старый русский сталевар с отеческой улыбкой смотрел на своего молодого сменщика.

...В 1944 году, когда металлургический завод имени Сталина и весь молодой город Рустави были еще в лесах, группы юношей из колхозов Грузии поехали учиться на заводы Донбасса, Таганрога, Урала. Среди них был и Вано Метревели.

Через несколько месяцев лагодехский парень-хлебороб стал подручным сталевара. Он работал и учился. А Советская Армия гнала все дальше и дальше фашистские полчища. «Мама, и твой сын воюет с врагом», — писал Вано матери, и мать бережно хранила эти письма.

Победу над гитлеровцами Вано Метревели праздновал в Сталино. Из Сталино он поехал в Макеевку, оттуда в Таганрог. В Сталино и Макеевке печи работали на газе, а в Таганроге — на мазуте. Руставские печи были рассчитаны на мазут. Надо было изучить и это дело. А когда в Рустави начали монтировать мартены, Вано одним из первых вернулся в родные края.

Пришло время, когда мартены Руставского завода дали стране первую плавку. Пошла грузинская сталь. И первым подручным сталевара Ивана Филипповича Самцова был Вано Метревели.

Проходили дни. Иван Филиппович, наблюдая за своим подручным, видел, как умело пользовался Вано приборами, как точно определял состояние печи, четко, рассчитанно вел себя на работе.

— Метревели может самостоятельно плавить сталь, — сказал Иван Филиппович через пять месяцев начальнику цеха.

Через несколько дней Вано Метревели поручили печь. Самцов закончил выпуск плавки, сдал смену ученику.

— Ну, держись! — Иван Филиппович был скуп на слова. Сталевар хорошо понимал душевное состояние юноши. «Лучше не стеснять его своим присутствием», — подумал он и быстро покинул цех. Но домой не ушел.

С самого начала Метревели хорошо повел дело. При заправке пода печи выиграл 5 минут. При загрузке шихты и чугуна — 25 минут. Это было началом победы. В этот первый день Метревели выпустил сталь на час раньше срока.

Самцов крепко обнял, расцеловал ученика.

— Это ведь скоростная плавка, ребята, — растроганно проговорил он. — Час экономии!..

С тех пор на металлургическом первенце Закавказья скоростные плавки бывали нередко. Один за другим вступали в строй новые мартены. Вано Метревели и его товарищи давали Родине сотни тонн стали сверх плана.

Вот стоит Вано у пульта управления. На смуглом, энергичном лице сверкают капельки пота. Через защитные очки он вглядывается в глазок печи. Бушует расплавленная, пылающая масса... И словно видит он, как бегут по стальным рельсам эшелоны, груженные машинами для великих строек коммунизма, как сходят с конвейера Кутаисского автозавода грузовики, как течет по стальным трубам с нефтепромыслов Баку «черное золото», как работают мощные турбины электростанций. И улыбается хорошей, светлой улыбкой: это его сталь, сталь мира.

Когда руставские металлурги выдвинули Иванэ Метревели кандидатом в депутаты областного Совета, Метревели на следующий день после выдвижения дал плавку на 3 часа 15 минут раньше срока.

Советская сталь — сталь мира — самая чистая, самая крепкая в мире сталь. И люди, плавящие ее, — самые чистые, закаленные, непоколебимые люди.

Григол ЧИКОВАНИ

ТБИЛИСИ

Слесарь из Вильнюса

Мы подходим к большому станку. Длинное тело его потемнело от времени. Видно, давно он не работает.

— Вот это она и есть — двоильная машина, — показывает Иозас Циунелис.

Он провел рукой по холодному металлу станка с какой-то тревожной нежностью.

На темном теле машины поблескивают новые детали. Она похожа на старое дерево, пустившее молодые сильные побеги.

— Кто ее переконструировал?

— Здесь, на комбинате, — отвечает Циунелис.

— А кто именно?

— Да вот тут у нас, в механическом...

Стоящий рядом рабочий говорит, усмехаясь:

— Будет тебе, Иозас Губертович, зачем прибедняешься...

О работе Циунелис говорит живо, горячо и заинтересованно. Но едва разговор заходит о нем самом, Циунелис становится сдержанным и цедит что-то невнятное.

«Циунелис жаден на работу», — говорит парторг Локиев. Верно. Но к этому надо добавить, что в работе Циунелис находит новые, нехоженые пути. Он открыватель и новатор по природе.

Своеобразное искусство Циунелиса состоит в том, что он оживляет старые машины. В этом и заключается содержание того движения, которое поднял на комбинате имени Эйдукявичюса слесарь Иозас Циунелис вместе со своим другом, тоже слесарем, Михаилом Строгановым. Они осовременивают казалось бы безнадежно устарелые механизмы и заставляют их шагать в ногу с пятилеткой. Модернизация машин имеет особенное значение для Литвы, унаследовавшей от отсталой промышленности капиталистов изрядное количество отжившей техники.

Однако надо сказать, что движение, поднятое Циунелисом и Строгановым, вышло за пределы республики и подхвачено даже в таком передовом индустриальном центре, как Ленинград. Это понятно. Советская промышленность прогрессирует с такой стремительностью, что техническое вооружение порой стареет довольно быстро. Модернизация машин рождается не от бедности, а от богатства.

Пока Циунелис рассказывает мне, в чем состоит «чудо» омоложения двоильной машины, я стараюсь вспомнить, на кого же похож этот широкогрудый, невысокий, стройный человек. Что-то бесконечно знакомое чудится в его веселых ясных глазах, в спокойной уверенности его манер...

* *

Иозас Циунелис — сын стрелочника, — совсем еще молодым приобрел высокую квалификацию слесаря-инструментальщика. Война не прервала роста одаренного юноши. Она перестроила этот рост на боевой лад.

Калининский фронт, Ленинградский. Первый и Второй Прибалтийские. Бои на Курской дуге. Освобождение родной Литвы. На груди старшины Циунелиса — медаль «За отвагу», Красная звезда, орден Славы. Рядом поблескивает значок — «Отличный минер».

О минере говорят, что он ошибается только раз в жизни. Если вы видите целого и невредимого минера, значит, он не ошибся ни разу. Циунелис был ранен дважды, но оба раза осколками снаряда. До сих пор один фашистский осколок сидит у него в лице, другой — в ноге.

Обстоятельства второго ранения так характерны для Циунелиса, что стоит о них упомянуть.

Это было уже в сорок пятом году, когда наши войска доколачивали гитлеровскую группировку на Курляндской косе.

Циунелис сделал в минном поле проход для наших танков, собиравшихся идти в атаку. Противник открыл огонь по саперам. Туговато пришлось им. Как ни равнодушен Циунелис ко всему, что касается лично его, а вспоминая эти минуты, проведенные под огнем на минном поле в Курляндии, он несколько оживился:

— Работали так: снимем мину и — за бугорок. Отлежимся — и снова за бугорок. Потом опять — к мине. Обезвредим ее — снова за бугорок. Горячо было! А мы знаем: война не сегодня-завтра кончится. И особенно обидно погибнуть, так сказать, за пять минут до победы. Тут меня ранило. Весь сапог, знаете ли, кровью налился. И товарища зацепило рядом со мной. Глянул я на вехи — мы вехи ставили, обозначали для танков разминированный проход, — думаю: «Эх, маленько бы еще расширить...» Говорим с товарищем друг другу: «Пойдем еще пяток-другой мин снимем...» Поползли. Не совсем удобно, правда, ногу волочить. Но ничего. Поработали, в общем, неплохо... В госпиталь я не пошел, это ж, знаете, канитель и время лишнее проведешь, и часть свою потеряешь. В медсанбате отлежался три недели и опять — в свой отдельный саперный батальон. А тут скоро война кончилась, и мне высокая честь: я участвовал в числе пяти человек от Литовской дивизии в параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года...

Тут я понял, кого мне сразу напомнил Циунелис: солдата, типичного фронтовика великой Советской Армии с его стойкостью, отвагой, скромностью, хладнокровием и этой спокойной уверенностью в победе.

* *

В сорок шестом году Циунелис демобилизовался и поступил на комбинат. Предприятие еще сохраняло название, которое носило в буржуазной Литве, — «Тиграс» (тигр). За этим претенциозным названием в те времена скрывалась, в сущности, небольшая мастерская полукустарного типа. Такова, впрочем, была вся «индустрия» сметоновской Литвы. Только сейчас кожевенно-обувной комбинат имени Эйдукявичюса находится на пути превращения в крупное предприятие.

Придя в механический цех, Циунелис взялся за дело «по-саперному»: обзавелся набором инструментов, оборудовал для них шкаф, распределил по маркам, изобрел машинку для приклейки подошв.

В ту пору на комбинате стояли без дела, на консервации, более шестидесяти станков и машин. Много раз проходил мимо них Циунелис по дороге к себе в механический, и всякий раз вид этих мертвых машин возбуждал в его деятельной натуре какое-то смутное чувство протеста. Иногда он подходил к ним и разглядывал эти угрюмые станки. Сколько труда и изобретательности было вложено в них!

В душевный склад Иозаса Циунелиса входит то, что можно назвать: дар свежего взгляда. Он органически противится рутине. И когда однажды в механический цех прислали для капитального ремонта один станок (так называемую полугабраменную машину для разводки кожи), все, что нарастало в последнее время в воображении Циунелиса, разом вспыхнуло. Все его наблюдения над законсервированными машинами осветились ясной творческой идеей.

Циунелис предложил своему товарищу, слесарю Строганову, не ограничиться ремонтом машины, а подумать совместно над ее реконструкцией так, чтобы она стала работать эффективней, чем до сих пор.

Здесь не место углубляться в техническое описание тех переделок, которые новаторы внесли в машину. Достаточно сказать, что это привело к повышению ее производительности на 30 процентов.

Почин Циунелиса увлек рабочих комбината. Партийная организация поддержала его. Это уже был не ремонт, не штопка старых дыр. Это — переустройство машины, перевод их в более высокое и современное техническое качество.

Таким образом был найден на комбинате новый источник дополнительного оборудования. Возвращенные в строй машины увеличили выпуск обуви в полтора раза. Замечательный почин Циунелиса и Строганова дал предприятию годовую экономию в 400 тысяч рублей.

Начинание двух слесарей было по достоинству оценено райкомом и горкомом партии. Опыт распространяется по городу, по республике. Выходит за ее пределы.

* *

Уходя из цеха, Циунелис бросает прощальный взгляд на двоильную машину. Похоже, что он расстается с ней с сожалением. Реконструкция машины закончена. Сегодня вечером ее будут испытывать, регулировать, проверять расчеты. Циунелиса при этом не будет. В шесть часов предвыборное собрание, на котором он выступает перед своими избирателями.

Собрание назначено в республиканской партийной школе. Циунелис уверенно ориентируется в коридорах, ведущих к актовому залу. Он хорошо знает этот обширный дом — два года был слушателем партшколы.

Сначала выступает другой кандидат в депутаты Вильнюсского горсовета — председатель горплана, старый инженер. Потом — перерыв. Циунелис у телефона торопливо набирает номер. Голос в трубке:

— Все в порядке. Мощность машины увеличилась в шесть раз. Поздравляю.

Радостное возбуждение, вызванное этими словами, еще горит на лице Циунелиса, когда он выходит на трибуну. В краткой речи его те же прямота, энергия, четкость, что отличают и его работу. Голос его крепнет, когда он произносит мудрые слова Сталина о том, какими деятелями должны быть избранники народа.

— Эти ясные и правдивые слова великого Сталина, — говорит Циунелис, — как путеводная звезда, указывают нам верный путь служения народу.

Л. СЛАВИН

ВИЛЬНЮС

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ БЕСПЕЧНОСТЬ

В Академии наук Узбекской ССР работают люди, весьма далекие от какой-либо мистики. Однако, как это ни странно, с ними то и дело происходят таинственные, даже просто мистические истории.

Началось с того, что в один из дней 1952 года со стола заместителя директора Института сельского хозяйства тов. Учеваткина бесследно исчезла папка со служебными документами. Только успели сотрудники института удивиться случившемуся, как произошло новое, не менее странное происшествие: кто-то похитил личное дело руководителя лаборатории селекции и генетики сельскохозяйственных животных того же института Ю. О. Раушенбаха.

В круговорот «необъяснимых», как говорят научные работники, исчезновений был втянут и Институт востоковедения. Библиотека имени Алишера Навои передала Институту по акту ценнейшие древние рукописи. Теперь вдруг оказалось, что пропало 35 рукописей и среди них — биографии ученых и поэтов, составленные Алишером Навои, рукопись Низами «Лейли и Меджнун», летопись Табари и другие. Исчезли 20 различных исторических документов, около 200 литографий.

Но уж поистине необыкновенная история произошла в Институте геологии. Случилась эта история довольно давно, но узнали о ней только сейчас. Один из жителей Ташкента случайно поднял на базаре валявшуюся на земле возле прилавка исписанную бумагу, которая оказалась секретным документом Института геологии Академии наук Узбекской ССР, документом, неизвестно кем взятым из института, неизвестно когда потерянным.

Распутывать этот клубок, составленный из таинственных исчезновений и поразительных находок, пришлось не сотрудникам института...

Знакомясь с положением дел в ряде институтов Академии наук Узбекской ССР, удивляешься тому, что здесь пропадает лишь часть документов... В самом деле, в хранилище Института востоковедения — в хранилище, где собраны редчайшие документы и рукописи, до недавнего времени мог свободно зайти любой. Зайти, выбрать для себя из кучи сваленных на полу книг, рукописей, документов все, что хотелось, и так же свободно уйти. Похищенное можно было продать, присвоить, просто выбросить — никто бы этого и не заметил: в хранилище не существовало ни картотеки, ни каталога, не было даже полок для книг.

Сейчас, понеся из-за своей преступной халатности и ротозейства тяжелые потери, руководители института распорядились навести в хранилище порядок: соорудили, в частности, полки для книг. Это хорошо, но это не все. Книги ведь могут пропадать и с полок. Не стоило ли бы также проверить, кто и как охраняет ценнейшие документы?

Факты говорят, что к подбору кадров в институте подходят беззаботно. На должность заведующего библиотекой института был принят тов. Юсупджанов, работавший ранее завхозом и имеющий весьма скромное образование в объеме четырех классов начальной школы. С годами суетливая работа хозяйственника становилась Юсупджанову не под силу. Тогда дирекция Института востоковедения любезно предложила ему руководить библиотекой института и распоряжаться (несмотря на свое четырехклассное образование) всем рукописным богатством, всеми историческими документами огромной ценности. Так приказ дирекции заменил сразу и высокую эрудицию в библиотечном деле и глубокие знания в области истории, литературы, востоковедения.

Не лучше обстоит дело с подбором кадров и в других научных учреждениях Академии наук Узбекистана. В том самом Институте сельского хозяйства, где папки с документами можно красть прямо со стола заместителя директора, в должности старшего научного сотрудника подвизался некто Кажихин — бывший директор Станции механизации «СоюзНИХИ». Бывшим он стал потому, что его сняли за крупные злоупотребления и развал работы. В Институте сельского хозяйства и директор тов. Садыков и его заместитель Учеваткин отлично знали о предшествующей «деятельности» Кажихина, однако с распростертыми объятьями приняли его на работу, да еще рекомендовали на должность зав. лабораторией. Но, как и следовало ожидать, через некоторое время пришлось Кажихину отвечать за свои прошлые поступки. Вышестоящие партийные органы исключили его из партии. Дело о нем передано прокуратуре.

Ротозейством грешит и руководство Ботанического сада Академии наук. В марте прошлого года, например, на должность заместителя директора по административно-хозяйственной части Ботанического сада был зачислен бывший начальник Янгиюльской ремстройконторы П. Синченко. Вскоре в партийную организацию Академии наук поступили сведения о том, что Синченко за неблаговидные дела привлекается к судебной ответственности. Тогда секретарь партийного бюро Академии наук тов. Демидов не придумал ничего лучшего, как составить на этого проходимца положительную характеристику!

Близорукость иных академических деятелей в республике хорошо известна. Недаром ею так широко пользуются проходимцы. Не так давно появилось сообщение о том, что в Институте языка и литературы Академии наук Узбекистана состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Шарифом Юсуповым. Уже разослали автореферзты, уже диссертант заготовил вступительное слово, а его друзья по институту сговаривались о коллективном подарке новому кандидату, как вдруг произошло нечто совсем непредвиденное. Выяснилось, что будущий кандидат не имеет не только высшего, но даже и среднего образования, что в аспирантуру он попросту втерся, пользуясь все тем же ротозейством руководителей.

В институте поднялась суматоха. Принялись изучать документы, сокрушенно разводили руками.

— В каком году он все же родился? В одном месте указан 1928 год, в другом — 1925, в биографии — 1926, а в анкете — 1923...

— Странно, очень странно, — сокрушался зав. сектором узбекской литературы тов. Азимов, а я ведь смотрел его личное дело перед тем, как хвалить его на ученом совете.

— Это вы его, тов. Камалов, в аспирантуру приняли, когда были заместителем директора, — не без ехидства заметил кто-то из филологов. — Вот и ваша подпись стоит.

— Да, да, — огорченно разглядывая свою подпись, вынужден был признаться зав. сектором узбекского языка тов. Камалов. — До сих пор не могу понять, как это случилось...

Действительно, как же это случилось? И это, и то, о чем рассказывалось выше.

Поняли ли, наконец, и тов. Камалов, и его коллеги из других институтов Академии наук Узбекской ССР, к чему ведут ротозейство, благодушие и беспечность?

К. ФАЙЗУЛИН,
корреспондент «Литературной газеты» по Узбекской ССР

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РАССКАЗЫ, РАЗДЕЛЕННЫЕ НА ГЛАВЫ

Молодой ярославский писатель **И. Степанов**, судя по сборнику его рассказов **«Перемены в Борках»** (Ярославль. 1952 г. 103 стр.) обладает даром способного новеллиста. Он умеет несколькими штрихами нарисовать образ персонажа, при передаче диалога не забывает о психологической, индивидуальной характеристике действующих лиц, умело включает в действие пейзаж, по-новому видит природу своей преображенной области. И. Степанов хорошо знает жизнь; картины увиденного им в колхозах, на берегах Рыбинского моря, теснятся в его воображении.

Однако одна из главных и, пожалуй, самых трудных задач обогащенного жизненными впечатлениями рассказчика заключается в том, чтобы правильно определить границы рассказа, найти среди событий и ситуаций, которые просятся под перо, единственное событие, наиболее полно и отчетливо выражающее идею произведения.

И здесь И. Степанову предстоит еще многому поучиться.

Вот, например, первый рассказ сборника — «Межевой столб». Хотя он и состоит из шести глав, — я буду пересказывать его содержание, начиная с пятой.

Корреспондент, от лица которого ведется рассказ, заехал в колхозную кузницу починить рессору одноколки, сломанную при переезде через ручей, разделяющий земли двух колхозов.

К кузнице подъезжает рассерженный председатель колхоза Зорин.

Он ищет бригадира Морошкина, который без его разрешения передал эмтеэсовскую молотилку соседнему колхозу. Через некоторое время у кузницы появляется Морошкин — он привез чинить конную молотилку, найденную им где-то на колхозном складе.

— Зачем ты отпустил молотилку? — кричит Зорин на бригадира.

— Не велика корысть государству, если ты один хлеб сдашь, а другие из-за тебя молотилки дожидаются...— урезонивает председателя старик-кузнец. И действительно, эмтеэсовская молотилка проработала в колхозе вдвое больше, чем было положено по договору.

— Какое мне дело до других! — кричит Зорин. — За срыв хлебосдачи не другим, а мне отвечать придется... Догоню! Верну!

Но гнаться за бригадиром соседнего колхоза не пришлось. При переезде через тот же ручей у молотилки сломался болт, и бригадир со старшим агрономом МТС пришли в кузницу за помощью.

Зорин злорадствует:

— А-а, опять к нам? Не дам кузнеца. Мне свою молотилку ремонтировать надо...

После длительного спора с неумолимым Зориным старший агроном говорит бригадиру:

— Пойдем, Михаил Васильевич. Тут, я смотрю, радуются чужой беде.

Эти слова образумливают Зорина, и он разрешает кузнецу помочь соседям.

В шестой главе наступает полное примирение: Зорин с бригадиром соседнего колхоза вместе строят мост через «ничейный» ручей и говорят о том, что пора бы совсем снести межевой столб, стоящий на границе колхозов.

Пятая глава и составляет существо рассказа. Но перед этой, пятой, главой существуют еще четыре.

В первой главе описывается, как корреспондент едет в одноколке и как у ручья ломается рессора; во второй — бригадир соседнего колхоза рассказывает корреспонденту, что ручей «ничейный» и никто моста через него делать не хочет; в третьей — изображается Зорин — ограниченный, чванливый, почивший на лаврах человек; в четвертой — описывается старый кузнец, с неодобрением относящийся к председателю

Нужны ли эти главы для рассказа? Совершенно не нужны, и выглядят они скорее, как предисловие, чем как начало рассказа.

Фигура Зорина и отношение к нему кузнеца отчетливо, ясно и гораздо более убедительно вырисовываются в событии, составляющем суть рассказа и содержание пятой главы. А вместо первых двух глав достаточно было бы пяти строк.

Большинство рассказов И. Степанов строит следующим образом: сначала в более или менее случайных ситуациях обрисовывает характеры персонажей и только после этого выводит их в событии, составляющем ядро рассказа, его смысловую, идейную основу.

Однако такого рода композиция для жанра короткого рассказа, мне кажется, необязательна. Если центральное событие правдоподобно и типично, то внутри него, в действии, в столкновениях, всегда глубоко и убедительно раскрываются характеры персонажей, и нет никакой нужды в предварительных пространных описаниях.

Не случайно все рассказы И. Степанова разбиты на ряд глав. По существу, внутри каждого рассказа содержится несколько рассказов, причем некоторые из них совершенно необязательны. Автор, словно путешественник, плохо продумавший маршрут, плутает по разным дорогам, прежде чем выберется на правильную.

Отмеченный недостаток чувствуется и в других рассказах сборника, например в таких, как «Перемены в Борках» и «Пост на бухте Безымянной».

К сожалению, этот недостаток, происходящий от нечеткого продумывания идеи и от неверия, так сказать, в творческие силы читателя, свойствен рассказам не только И. Степанова, и от него нам надо избавляться.

Сергей АНТОНОВ

ГОЛОС ДРУГА

В жизни иной раз кажется, что люди встретились случайно: могли и не взглянуть друг на друга, и не разговориться, и не подружиться. И вдруг непредвиденная встреча открывает такой богатый мир общих интересов, взаимного понимания, родственных замыслов и единой мечты, такой счастливый мир духовной близости, что трудно, почти невозможно представить себе жизнь без этой встречи. Она должна была быть!

Встреча с книгой лирических стихов подобна встрече с человеком: дружба может сложиться, а может и не сложиться...

Я познакомилась с Сибиллой Алерамо заочно, по ее сборнику стихов. (**Сибилла Алерамо. «Стихи»**. Издательство иностранной литературы. М. 1952 г. 38 стр.). Открывая книгу, я знала, что автор — известная итальянская писательница и поэтесса, что ее перу принадлежит ряд романов, стихотворных сборников и поэм и что вошла она в литературу около полувека назад романом «Одна женщина», которому дал высокую оценку А. М. Горький. Я знала, что Сибилла Алерамо — друг Советского Союза, активная деятельница общества «Италия—СССР». И я знала также, что небо Италии бороздят американские военные самолеты, что на улицах итальянских городов бесчинствует американская солдатня, что нынешние правители Италии за доллары продают национальную независимость.

О чем же говорят людям стихи Сибиллы Алерамо?

Жизнь трудящихся Италии, их борьба за мир, за свободу и независимость своей родины стали главной темой творчества поэтессы. В книге наряду с сумрачными каменными цехами заводов «Фиат», где людей «превращают в металл», живут светлые картины природы, горных склонов древней Аосты, серебряных вершин Сан-Бернара... И удивительно органичны среди стихов о жизни и борьбе итальянских трудящихся — стихи о Конгрессе сторонников мира в Варшаве. Тоненький сборник стихов оказывается книгой, в которой бьется большое человеческое сердце, книгой, со страниц которой встает большая жизнь с ее страданиями и радостями.

Помогите мне выразить!.. Столь велико
то, что волнует мне грудь!
Предчувствие будущих дней и любовь
к этим завтрашним дням, ощутимым
сегодня,
нашу радость и гордость страданий
за них —
помогите мне выразить в песнях моих!

. . . .

Нас не счесть на земле — создающих его,
этот завтрашний мир, справедливый и
правый,
мир, где люди не будут стыдиться себя,
мир без тягостных войн, без насилий, без
рабства.

В этих строках высказано чувство, характерное для всех стихов поэтессы, наполняющее всю ее книгу, — чувство единения, сплоченности с тысячами, с миллионами людей, тружеников, борцов за человеческое счастье.

Один человек, будь он и умен, и хорош, и здоров как физически, так и морально, может на какую-то минуту под влиянием житейских обстоятельств потерять веру в счастье, веру в будущее. Коллектив со здоровым сердцем и здоровой головой никогда не потеряет такую веру. Сибилла Алерамо чувствует себя слитой, спаянной с могучим коллективом лагеря мира. И когда она восклицает: «Помогите мне выразить!» — это не слабый голос, жалующийся на то, что ему не хватит полноты и звучности. Это голос запевалы, который знает, что его поддержат, подхватят тысячи голосов.

Чувство коллективизма неизменно, обязательно ведет к жизнерадостности. Известная итальянская поэтесса с ее улыбкой, которая действительно, как и говорит автор, «далеко летит», становится близкой и родной не только зрелому, но и молодому советскому читателю.

А мы спокойны, зная хорошо,
как далеко летит улыбка наша.
Она летит над тяжестью борьбы,
она парит над радостью победы...
Она летит в тысячелетья мира,
в свободные века над будущей землей —
цветущей, солнечной...

Много препятствий воздвигают наши враги на пути к дружбе простых людей всего мира, на пути к дружбе людей, разделенных далекими расстояниями. Но чувство товарищества и единства цели побеждает всё.

И хотя мы молчим и друг другу ладоней
в рукопожатии братском не жмем,
но мы ощущаем и рукопожатие
и то, как мы сердцем друг другу близки...

Встреча советского читателя с книгой стихов Сибиллы Алерамо — не случайная встреча. Она должна была состояться, ибо итальянская поэтесса идет дорогой борьбы за мир, за счастье человека на земле.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

СУДЬБА СТАНИЦЫ

Маленькая книжка очерков **Константина Буковского «Судьба станицы»** (Библиотека «Огонек», № 39, 1952 г.) не хуже иной большой книги: она многое сообщает читателю, в особенности о жизни колхозной степи, радует нас свежестью и человечностью впечатлений, своеобразной поэзией подробностей. В силу этого она представляет интерес для разговора об очерке.

Причин для этого, если вдуматься, две. Очерки неравнодушного писателя-очеркиста, поездившего всюду, много видевшего, становятся еще богаче друг от друга, когда их сложат вместе, в книгу. Так уже случилось с очерками В. Полторацкого, когда они, собранные воедино, вдруг обрели новое звучание. То же происходит и с очерками К. Буковского: автор, рассказывая о людях Приазовской степи, как будто и не вспоминает о том, что видел в Сальской, — читатель сам проделывает эту интересную работу, и то, что порадовало в Казахстане, вдруг освещает белорусские впечатления. Каждому очерку как будто не хватало соседа, чтобы до дна раскрыть все свое содержание.

Такова первая причина, она как будто заложена в самой действительности нашей Родины: те перемены, которые происходят в белорусском селе, становятся особенно понятны и масштабны, когда заглянешь в казахский аул или донскую станицу.

Вторая причина — в своеобразии манеры К. Буковского.

Зрелость нашего очеркового отряда писателей проявляется, между прочим, и в том, что все больше и больше выявляется художественная индивидуальность многих очеркистов.

К. Буковский отобрал для книжки в основном очерки сельской жизни. То это рассказ председателя сельсовета о восстановлении разрушенного войной села; то это исполненная раздумья о судьбе крестьянства история межколхозной гидростанции на Оке, в селе Кузьминском; то это портрет казахской учительницы, ставшей секретарем райкома партии — в районе, где двенадцать степных и нагорных колхозов и сотни километров степных и горных дорог; то это широкая картина весеннего сева в Приазовье, где так удивительны перемены в многовековом трудовом укладе, где деревенские семьи поутру расходятся, как на заводе, по разным «цехам», где люди, как на заводе, берегут минуты; то это — в лучшем очерке книжки — хроника казачьей семьи Мирошиных с великими волнениями переселения станицы, когда вторглась в донскую степь стройка коммунизма и властно повернула не только воды Дона, а и по-новому направила судьбы местного населения, дала новые очертания будущему людей, новый размах их мыслям и чувствам.

Особенно подкупают правдивость, жизненная достоверность этого эпического повествования о «Судьбе станицы» (так называется очерк), о тех огромных исторических изменениях, которые произошли в жизни донского казачества в связи с постройкой Волго-Донского канала и Цимлянской гидроэлектростанции.

Пафосом всенародного движения к великой цели овеяны эти картины — такова природа нашего советского очерка. Но у К. Буковского есть еще своя, особая, запоминающаяся манера знакомства с жизнью, и она не без хитрости, эта манера. Представляешь, по его очеркам, что путешественник, собеседник он — весьма неторопливый, даже мешковатый; он как бы задерживается в дверях гостеприимного дома своих будущих героев как раз в ту минуту, когда иной, более поспешающий коллега его уже бежит к поезду. И, задержавшись так, словно бы для того, чтобы просто прикурить, или, присев в час рассвета на скамейке, на высокой круче над Окой, или войдя в неурочный час в пустые комнаты райкома, где-то в далекой «глубинке», поздно вечером, когда только мальчик, оставшийся «за мамку подежурить», терпеливо борется с гаснущей лампой, — К. Буковский тут-то и видит — в дополнение к масштабам и пафосу перемен — что-то очень простое, будничное, прекрасное в своем сочетании с масштабами и пафосом перемен: природу, детей, человеческую семью. И рассказ обо всем этом — с теплом, юмором, неспешностью — создает своеобразие очерков К. Буковского. Отсюда — запоминаемость их.

Есть в работе К. Буковского и недостаток — тоже незаметный в каждом отдельном очерке, но заметный в книжке. Следует сказать об этом хотя бы вкратце не ради пресловутого уравновешивания похвал и критических замечаний, а ради общей пользы всего нашего очеркового дела. Кажется, что К. Буковский приучил себя изображать результаты работы людей предпочтительнее, чем самую работу. Трудности труда — кто не знает, что это такое! И может быть, больше других это знает сам литератор, когда раздумывает над листом бумаги: как это написать... Между тем в очерках К. Буковского часто отсутствует «середина» сюжета: было — стало, но как? Как это становилось?

И самый слабый очерк, неудачно открывающий книжку, — «Гости в Мачулищах», — потому и слаб, что о немалом подвиге белорусских колхозников, восстановивших — краше прежнего — свое сожженное село, рассказано бегло, вскользь.

Нам нужно рассказывать о переменах в жизни колхозного села. Есть все основания ждать, чтобы скорее К. Буковский сложил большую новую книгу очерков — правдивых и верных по тону, соединяющих пафос великих свершений с лиризмом и юмором сельских будней. Очерк наших дней, как показывает пример К. Буковского, может вобрать в себя и подробности семейного быта героев нашего труда, дополнить мотивами личной жизни изображение трудового подвига советских людей.

Николай АТАРОВ

„МАКСИМКА“

...Русский корвет останавливает в океане американское судно с живым грузом негров, предназначенных для продажи в рабство.

Работорговля запрещена, и согласно международной конвенции, подписанной также и Россией, командир «Богатыря» имеет право сурово расправиться с контрабандистами — вплоть до повешения на реях. Налетевший шторм спасает негодяев от наказания, однако их корабль гибнет в волнах. Через двое суток после шторма матросы с корвета видят человека за бортом. Посланная шлюпка находит изнемогшего в борьбе со стихией маленького негритянского мальчика, бывшего слугой у американского капитана-работорговца...

Новый фильм «Максимка» рассказывает о том, как русские матросы полюбили спасенного ими негритенка, как один из них — Лучкин — особенно привязался к «Максимке» и занялся его воспитанием, как негритенок опять попал в лапы тех же негодяев и как он спасся из этой неволи и помог спасти из нее и матроса Лучкина, своего друга и главного воспитателя.

В финальной сцене поднимают на корвете флаг. Играют фанфары, экипаж стоит смирно. Глаз киноаппарата ищет кого-то в шеренге матросов. Максимка! Наш маленький герой уже в форме матроса, он — в строю; он, как и все, стоит смирно! Исполнилась его мечта, он теперь матрос, юнга — хоть и «арапского звания», но настоящий матрос Российского флота!

В фильме показан американский работорговец. Это не слишком крупный хищник, мелкая акула, шныряющая в поисках жертв не без риска для собственной головы, тем более злая и беспощадная. Ему, например, ничего не стоит ради того, чтобы самому выскочить из беды, отдать приказ потопить всех негров, которых он везет в качестве товара. Это пират, похищающий на свое судно матросов чужих национальностей, если эти люди, по его мнению, выносливы и опытны в матросском деле. Это зверь, не признающий иного способа разговаривать со своими матросами, как только при помощи плетки, а то и револьвера, и доставляющий себе развлечение измывательством над маленьким негритенком, превращенным в раба.

Фильм учит ненавидеть капитализм с его проповедью прибыли, только прибыли во что бы то ни стало, любым путем: кровью, насильем, убийствами тысяч, но только прибыли!

Работорговец, его молодчики, английский губернатор, хоть и появляющийся только в нескольких кадрах, но тем не менее заставляющий еще долго вспоминать о нем с отвращением, — это лагерь темных сил, это та группа действующих лиц, которые вызывают раздраженные реплики юных зрителей и бурную радость при любом посрамлении негодяев.

Этим черным силам в фильме противопоставлены светлые мужественные образы русских матросов и в первую очередь — матрос Лучкин. Это богатырская душа, полная той любви, которая воспета народом в его былинах и сказках, — любви, которая помогает и спасает.

И богатырь находит маленькое черное дитя, которое били сапогом в лицо только за то, что его лицо черно. Он делится с ним пищей, шьет для него робу, крестит его перед сном. Сам спившийся с горя (и мы верим, что у него горе), он вселяет в маленькую, еле теплящуюся душу силу и радость. Под его лаской черное дитя начинает петь...

Герой фильма — наш народ, с его бескорыстием, великодушием, львиной силой и заботой о счастье всего человечества!

Сквозь художественную ткань фильма, сквозь его связанные с историческим прошлым образы проступают хотя и не прямые, но закономерные ассоциации со жгучими вопросами современной жизни, с той борьбой, которую ведут народы против темных сил войны и расизма.

В фильме много удачных, эмоциональных сцен. Вот ожидают на корвете возвращения шлюпки, посланной на помощь терпящему бедствие. Режиссеру В. Брауну удалось изобразить долгую паузу, во время которой фигуры стоящих на палубе почти неподвижны — иногда только взлетает черная черта зрительной трубы, поднятой командиром к глазу. Никаких так называемых перебивок нет. Могли бы появляться кадры, изображающие то мальчика среди волн, то матросов в приближающейся шлюпке. Нет, держится один и тот же средний план, почти, как мы уже сказали, неподвижный, сопровождаемый жестковатой музыкой, похожей на отстукивание маятником секунд. Напряжение тревожного ожидания полностью передается и зрителю.

Или вот, например, еще одна сцена: несут спасенного мальчика — жалкое черное тельце в оранжевых отрепьях, которое лежит на руках матроса, идущего впереди шествия вдоль бело-голубого строя команды. В самом углу кадра голова мальчика откидывается, и мы видим, сколько страдания на этом губастом лице, как бы созданном для того, чтобы именно широко улыбаться... Жаль, что среди таких глубоко реалистических эпизодов вдруг появляются ложно «экзотические» сцены в Гаване.

Борис Андреев играет матроса Лучкина, глубоко раскрывая светлые, гуманные чувства русского богатыря. Хорош М. Астангов в роли работорговца. Исполнитель роли Максимки, Толя Бовыкин, играет настолько жизненно, настолько правдиво, что перестаешь думать о тех вещах, о которых обычно размышляешь, когда наблюдаешь исполнение той или иной роли: о качествах текста, о драматургии отрывка — перестаешь думать, что актеру вообще пишется роль.

Надо сказать, что актерский коллектив играет на хорошем уровне, с уверенным реализмом, скупо и вместе с тем ярко. Вот что значит, когда актеры увлечены материалом!

Этот материал родился из хорошей литературы — из «Морских рассказов» К. М. Станюковича, русского писателя, писавшего о море, о русских матросах, о флоте. То, что в основу фильма был взят хороший литературный материал, и дало возможность, так сказать, «разгуляться» всем участникам постановки и создать действительно хороший фильм.

Сколько еще таится в сокровищнице русской литературы такого удивительного материала!

Юрий ОЛЕША

«Максимка» — цветной художественный фильм. Сценарий Г. Колтунова. Постановка В. Брауна. Гл. оператор А. Мишурин. Производство Киевской киностудии художественных фильмов. 1952 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ДОНЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

КИЕВ. (Наш корр.). Несколько дней гостила в Киеве большая группа донецких писателей, приехавшая для творческого отчета. Ряд новых произведений донецких литераторов обсуждался на семинарах, а также на заседании президиума Союза советских писателей Украины.

Три новых романа—«Голос жизни» В. Белоусова, «Второе дыхание» В. Пронского и «Третий восточный» Ф. Вольного, написанные на актуальные, современные темы, обсуждались на семинаре прозы. Участники семинара высказали немало серьезных критических замечаний относительно художественного несовершенства ряда образов, изъянов в композиции и языке этих романов. Обсуждены отрывки романа П. Черкашиной «Дочь горняка», который писательница заканчивает в ближайшее время. Были подвергнуты критическому разбору также новые рассказы П. Чебалина и А. Ионова.

Участники поэтического семинара расценили как отрадное явление стихи В. Труханова из книги «Молодость Донбасса», вышедшей на днях в Сталинском областном издательстве. Положительно была оценена и поэма В. Шутова «Юность комсомольская», но отмечалось, что она не свободна от длиннот, затрудняющих чтение стихов и развитие сюжета. Семинар рассмотрел также произведения донецких поэтов В. Соколова, С. Бугоркова, Н. Чернявского, Е. Кузнецова, М. Фролова, П. Шадура. Большинство выступивших на семинаре поэтов и критиков пришло к выводу, что яркая и многообразная жизнь Донбасса все еще не находит должного отражения в поэзии, что многим стихам не хватает художественной завершенности.

На заседании президиума ССПУ были заслушаны доклады П. Байдебуры о работе Донецкого отделения ССП и сообщения о результатах работы творческих семинаров, сделанные их руководителями В. Козаченко и М. Нагнибедой.

В заключение в клубе писателей состоялась встреча донецких литераторов с общественностью украинской столицы. В работе семинаров, кроме киевских писателей и критиков, принимали участие московские поэты С. Васильев и С. Смирнов.

Читательская конференция об очерках В. Овечкина

НОВОЧЕРКАССК. (Наш корр.). Редакция ростовской областной газеты «Молот» провела в областной школе председателей колхозов читательскую конференцию, посвященную очеркам В. Овечкина «Районные будни» и «В одном колхозе». В работе конференции приняли участие партийные работники, председатели колхозов, слушатели школы и существующих при ней курсов. Со вступительным словом выступил писатель В. Фоменко.

Читатели высоко оценили очерки за их партийность и остроту в постановке жизненно важных вопросов, за большое литературное мастерство. Читатели указали и на недостатки очерков, в них, например, не показаны роль колхозных партийных организаций, их взаимоотношения с райкомом.

Встреча с Хорхе Саламеа

На днях в Союзе советских писателей СССР состоялась встреча московских литераторов с известным колумбийским писателем Хорхе Саламеа. Он поделился своими впечатлениями о пребывании в СССР, в частности о своей поездке в Узбекистан, и сообщил, что намерен написать книгу о том, что видел в нашей стране. Эта книга должна рассказать простым людям Латинской Америки правду о Советском Союзе.

Писатели А. Софронов, Б. Полевой, В. Ермилов, И. Анисимов, отвечая на вопросы гостя, рассказали о задачах советской литературы, о методе социалистического реализма и проблемах художественного мастерства.

Кинолетопись нашей армии

На экранах кинотеатров и клубов страны начинает демонстрироваться свыше тридцати художественных и документальных кинофильмов, отражающих славную историю нашей армии, ее высокую моральную силу и доблесть ее воинов.

С 19 по 24 февраля советские зрители вновь смогут посмотреть фильмы из эпохи гражданской войны: «Чапаев», «Человек с ружьем», «Незабываемый 1919 год», «Оборона Царицына», «Мы из Кронштадта», «Волочаевские дни» и др. Они попрежнему пользуются самой широкой любовью зрителей и демонстрируются в большом количестве кинотеатров. В прокате и поныне имеется, например, около девятисот копий фильма «Чапаев» и примерно столько же копий фильма «Оборона Царицына».

Особенно богата кинолетопись Великой Отечественной войны. Она включает 34 полнометражных художественных и документальных, 67 короткометражных фильмов, 500 номеров киножурналов. На экранах страны в эти дни будут показаны: «Сталинградская битва» (она размножена в 1200 копиях), «Падение Берлина» (1520 копий), «Третий удар», «Повесть о настоящем человеке», «Великий перелом», «Рядовой Александр Матросов», «Она защищает Родину» и многие другие.

Новые книги

Асафьев Б. Избранные труды. Том I. Избранные работы о М. И. Глинке. Издательство Академии наук СССР. 400 стр. Цена 30 руб.

Брандыс М. Начало повествования. Перевод с польского В. Арцимовича и В. Раковской. Издательство иностранной литературы. 196 стр. Цена 6 руб. 45 коп.

Вайян Р. Полковник Фостер признает себя виновным. Пьеса в 5 действиях. Перевод с французского Б. и Е. Лавреневых. Издательство иностранной литературы. 96 стр. Цена 1 руб. 95 коп.

Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Роман. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Лениздат. Том I. 608 стр. Цена 17 руб. 05 коп. Том II. 524 стр. Цена 14 руб. 70 коп.

За мир. Сборник произведений поэтов Мордовии. Составил С. Пронин. Саранск. Мордгиз. 72 стр. Цена 3 руб. 35 коп.

Капиева Н. Гамзат Цадаса. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». 144 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Малышкин А. Люди из захолустья. Роман. Гослитиздат. 360 стр. Цена 7 руб. 65 коп.

Никитин А. Ткачи. Роман. Костромское областное государственное издательство. 355 стр. Цена 6 руб. 80 коп.

И. С. Никитин. Статьи и материалы о жизни и творчестве. Воронежское областное книгоиздательство. 248 стр. Цена 6 руб. 35 коп.

Павленко П. Киносценарии. Госкиноиздат. 231 стр. Цена 9 руб. 25 коп.

Попова Н. Зрелость. Повесть. Свердловское областное государственное издательство. 224 стр. Цена 4 руб. 85 коп.

Рыжиков И. На Смоленщине моей. Стихи. Смоленское областное государственное издательство. 52 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Выпуск 2. (Шестидесятые годы XIX века). Издательство Высшей партийной школы при ЦК КПСС. 216 стр. Цена 7 руб.

Упит А. Робежниеки. Трилогия. Перевод с латышского. Рига. Латгосиздат. 784 стр. Цена 15 руб. 80 коп.

«СРАЖАЮЩИЙСЯ ВЬЕТНАМ»

Скоро в кинотеатрах и клубах Москвы будет демонстрироваться фильм «Сражающийся Вьетнам» — производство Пекинской киностудии и киноорганизации Демократической Республики Вьетнам.

На экране — страна гор и обширных плато, прекрасная плодородная земля Вьетнама, народ которого героически борется сегодня против французских и американских колонизаторов. Кадр за кадром показывают операторы борьбу Народной армии Вьетнама и партизанских отрядов, созданных в оккупированных районах, с иноземными захватчиками, успехи, которых добился вьетнамский народ под руководством своего президента Хо Ши Мина.

Автор-режиссер фильма — Чан Хэ-лин, текст—Гун Ляня. «Сражающийся Вьетнам» был отмечен на седьмом международном кинофестивале в Карловых Варах в 1952 году премией «За документальный фильм о борьбе трудящихся за свободу и мир».

В. ЧЕРНЫШЕВ

ЗЕЛЕНОЕ ЧУДОВИЩЕ — „ЮНАЙТЕД ФРУТ КОМПАНИ“

Богаты и плодородны земли Центральной Америки. Протянулись они от Мексики до Колумбии. Здесь, на узкой территории, омываемой водами Тихого океана и Карибского моря, уместился ряд небольших государств. Названия их довольно часто встречаются в мировой печати. Чаще всего в этом тропическом районе происходят «заговоры», «правительственные» перевороты. «Бури» возникают то над безоблачной Коста-Рикой, то проносятся над Сальвадором, захватывают Гондурас, Никарагуа...

Кухня подобных «циклонов» образно описана О. Генри в книге «Короли и капуста». В сказочной стране Анчурии всеми делами вершила компания «Везувий». Агенты этой монополии могли в любое время распустить правительство, назначить новых министров, сменить президента, возмечтавшего повысить цену на связку бананов.

Так или почти так действует сейчас в странах Центральной Америки мощная империалистическая корпорация США «Юнайтед фрут компани».

История этой всесильной монополии началась так. В 1870 году американский морской капитан Лоренсо Бэкер в одном из портов острова Ямайки нагрузил на свой небольшой корабль партию бананов. Бананы вызвали небывалый спрос в США. Пятнадцать лет спустя предприимчивый капитан уже совместно с девятью бизнесменами организовал компанию, которая стала орудовать на Кубе, Ямайке, в Сан-Доминго, в Коста-Рике и в Колумбии. Колонизаторы жестоко эксплуатировали туземное население. Доходы монополии достигли колоссальной суммы по тем временам: 100 тысяч долларов в год! В погоне за прибылями «Юнайтед фрут» душила своих конкурентов, вела десятки «банановых войн», сгоняла с земли сотни тысяч негров, индейцев, креолов.

Ныне «Юнайтед фрут компани», словно исполинский спрут, опутала своими чудовищными щупальцами все страны Центральной Америки. Она выколачивает 100 миллионов долларов прибыли в год.

Эта «банановая империя» захватила в Центральной Америке два с половиной миллиона гектаров земли. Это равно примерно половине всей территории республики Коста-Рика. Нередко бывает так, что правительство Коста-Рики или Гондураса арендует землю своей страны у этой монополии США! Ей принадлежат плантации бананов, сахарного тростника, кофе, какао, ананасов. «Зеленое чудовище» держит в своих руках железнодорожный транспорт, пароходные линии, порты, банки, отели, торговлю, полицию.

Правление «банановой империи» восседает в Бостоне. Здесь «подбирают» генералов, министров, президентов для «независимых республик», на территории которых орудует «Юнайтед фрут». Здесь же разрабатываются всякого рода «банановые революции», «заговоры», «перевороты».

Конечно, все эти разбойничьи дела вершатся в глубочайшей тайне. Главари «банановой империи» тратят огромные средства на популяризацию своей «благородной цивилизаторской миссии».

Лишь изредка мировой общественности удается узнать страшную правду об этом звездно-полосатом спруте. В этом отношении надо считать выдающимся событием появление книги «Мамита Юнай» *. Автор ее — костариканский писатель Карлос Луис Фальяс. Молодой писатель изведал все прелести работы на банановых плантациях «Юнайтед фрут компани». В само название романа «Мамита Юнай» («Матушка Юнай») автор, подобно труженикам плантаций, издавна окрестившим так «Юнайтед фрут компани», вкладывает большой иронический смысл. Книга была написана в 1940 году. Владельцы «Юнайтед фрут» предпринимали отчаянные попытки, чтобы воспрепятствовать изданию этой книги. Еще бы! Книга эта — страшный рассказ о рабской, подневольной жизни тружеников банановых плантаций. Жизнь под сенью бананов показана без прикрас, описаны события, свидетелем которых был сам автор.

Первая часть романа начинается описанием «политических махинаций в легендарном Тисингале». Автор знакомит читателя с гнусной, непревзойденной по своему цинизму «демократией», насаждаемой империалистами США. Мошенничество, подлоги, подкупы, насилия, издевательство над традициями и обычаями местных жителей — вот далеко не полная картина, в которой проходят выборы.

Автор знакомит читателя с честным и мужественным «линьеро» — тружеником банановых плантаций Хосе Франсиско Сибаха. Он один из тех «линьеро», кожа которых «дублена в болотах» и способна «выдерживать удары». Сибаха—активный деятель рабоче-крестьянского блока. Партия послала его на выборы в отдаленной глухой долине Таламанки, славившейся когда-то богатейшими изумрудными россыпями.

Герой книги совершает опасный путь по землям, опустошенным «Юнайтед фрут». Это дает возможность автору показать все мерзости современных рабовладельцев, невероятные муки и страдания обреченных на смерть людей.

Плантации здесь уже были заброшены. «...Земля устала родить бананы, а какао потеряло ценность для янки. Тогда они разобрали рельсы, разрушили мосты и, презрительно плюнув на опустошенную землю, победоносно ушли завоевывать другие земли».

Тысячи измученных, изнуренных непосильным трудом пленников «зеленого ада» брошены на произвол судьбы. Вереницы негров пробираются сквозь заросли и высокие перевалы. Они бегут в Панаму. «Эти несчастные негры Коста-Рики,—свидетельствует герой книги, — отдав свою кровь ради обогащения банановых магнатов, шли во мраке через горы, таща своих детей и жалкое имущество. Их не преследовали собаки рабовладельцев — их преследовал призрак нищеты».

Испанские конквистадоры не могли покорить таламанцев. Не удалось укротить индейские племена ни лукавым монахам с молитвами, ни солдатам с их мечами! Порабощение индейцев, их развращение, истребление взяли на себя другие завоеватели, «в тысячу раз менее отважные, но в тысячу раз более жестокие и хищные и более коварные, чем испанские конквистадоры! Это были империалисты-янки...»

Колонизаторы из «Юнайтед фрут компани» пришли без мечей. «Они не искали теперь легендарного Тисингаля! Нет, они хотели земли и людей, которые трудились бы на ней, как рабочий скот!»

Горели селения индейцев, были затоптаны их посевы. Новые пришельцы задумали превратить «соки земли в бананы и какао, чтобы обменять их затем на чистопробное золото на иностранных рынках!» Побежденные племена «поднялись вверх по реке и спрятали свое горе в сердце гор». Но и там настигла их «Мамита Юнай». Ей нужны были рабы для новых плантаций! Но вот «пресыщенные золотом и кровью» янки ушли в другие места, где земля дает еще более обильные плоды. «И опять воцарилось безмолвие в долине Таламанки: но это было безмолвие смерти»...

Вторая часть книги рассказывает о «Юнайтед фрут», орудующей в другом районе страны. Здесь тот же «зеленый ад». С восхода и до заката палящего солнца трудятся современные рабы на плантациях «Юнайтед фрут». Они прорубают просеки, взрывают скалы и прокладывают железнодорожное полотно. «Линьеро» тонут в «зловонной зеленой пучине», подвергаются укусам ядовитых змей, страшных насекомых. За этот каторжный труд они получают гроши. Нередко пеоны вовсе остаются без денег. Подрядчики и инженеры забирают себе их «получку».

Люди гибнут от голода, от увечий. Ужасные тропические болезни разрушают кожу, как серная кислота. Язвы разъедают ноги тысяч пеонов, работающих по колено в воде. Бессчетное число тружеников навсегда остается на банановых плантациях, «удобряя собой почву» гигантских владений «Мамиты Юнай».

Вторая часть книги заканчивается трагической гибелью Калеро, одного из друзей Хосе Франсиско Сибаха. Другой его товарищ — Эрминио попадает в тюрьму. Доведенный до отчаяния, он хотел убить инженера компании, эксплуататора и грабителя. Тропическая болезнь свалила Хосе Франсиско Сибаха.

Автор книги не только правдиво разоблачает современных рабовладельцев, но с глубокой симпатией показывает крепнущие с каждым днем силы людей, встающих на правильный путь, ведущий к избавлению от рабства.

В краткой заключительной части романа вновь встречаются Хосе Франсиско Сибаха и его друг Эрминио. Многое изменилось со времени их разлуки. Сибаха принимал участие в забастовке «линьеро», был схвачен и посажен в тюрьму. Там он много читал, а когда вышел на свободу, посвятил свою жизнь борьбе за лучшую жизнь костариканского народа.

«—Эх! Если бы у всех мачо*,—восклицает Эрминио, — была одна шея — перерубить бы ее одним ударом мачете!

— Я тоже так думал раньше, Эрминио,—отвечает Сибаха.—Но не все они виноваты: лишь кучка гринго сосет кровь народов! Там, в стране гринго, тоже есть миллионы людей, которые страдают наравне с нами. Надо бороться по-другому, чтобы изменить жизнь, брат!»

Сознательные, стойкие, мужественные люди, подобные Франсиско Сибаха, поднимают народные массы на борьбу против «банановой империи». Читая книгу Карлоса Луиса Фальяса, проникаешься верой в то, что эта трудная битва с кровожадным, коварным врагом не может не увенчаться победой.

В странах Центральной Америки нарастает движение за хлеб, землю и свободу. Повсюду раздается требование: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!

Под давлением народных масс Национальное собрание Гватемалы уже приняло закон об аграрной реформе. Закон предусматривает национализацию необрабатываемой земли, принадлежащей латифундистам и иностранным монополиям.

Это—первая серьезная попытка ограничить произвол «Мамиты Юнай». В самом деле, «Юнайтед фрут» долгое время безнаказанно действовала в Гватемале. На ее плантациях эксплуатируются сто тысяч трудящихся страны. Здесь царит такой же каторжный режим, как режим и в Коста-Рике, так ярко описанный в книге «Мамита Юнай». В погоне за максимальными прибылями монополисты все чаще используют женский и детский труд. Более 60 процентов батраков на плантациях — это женщины и дети.

Каторжный труд современных рабов сказочно обогащает «Мамиту Юнай». На заготовке и продаже бананов монополия получает свыше 600 процентов прибыли. Естественно, что закон об аграрной реформе в Гватемале вызвал отчаянное сопротивление «зеленой империи» и ее агентуры. В печати США поднялся истошный вой о «красной угрозе в зоне Панамского канала». Сенаторы и дипломаты США грозят Гватемале экономической блокадой. Агенты «Юнайтед фрут», фашисты и феодалы развили подрывную деятельность, они пытались взорвать крупнейшие электростанции, лишить воды и света столицу страны.

Провокации «Юнайтед фрут» вызвали всенародное возмущение. Борьба за национальную независимость усиливается во всех странах Центральной и Южной Америки. Эта борьба сливается с движением за мир. Демократические силы наносят «зеленому чудовищу» первые удары...

* Карлос Луис Фальяс. «Мамита Юнай». Издательство иностранной литературы. Перевод с испанского. Москва. 1952 г. 190 стр.

* Американцы (прим. ред.).

НЕУДАЧНЫЙ СБОРНИК

Если, прочитав книгу, вы спрашиваете себя: «А для чего, собственно, она написана?»—это уже приговор. Подобного вопроса не вызовет подлинно художественное произведение: вы прочли его — и чем-то обогатили себя, над чем-то задумались, что-то новое открыли в окружающей жизни.

К сожалению, лишь немногие рассказы, включенные Г. Коноваловым в сборник «Рассказы» (г. Ульяновск, 1952 г., 181 стр.), не вызывают этого недоуменного вопроса: «для чего?». Мы с интересом знакомимся с трудной жизнью простой крестьянской женщины («Тетка Матрена»), не узнавшей счастья для себя, но сумевшей ласковым светом озарить жизнь окружавших ее людей, сильной и стойкой в горе, спокойной и мудрой перед лицом смерти. Мы простим автору искусственность отдельных ситуаций в рассказе «Санька», потому что главное в нем не попытка шестилетнего мальчика убить гранатой фашиста, а переживания осиротевшего ребенка, его восприятие войны. Мы запомним и старого плотника Алексея Самотуева, погибающего в построенной его руками церкви и до последней минуты не верящего, что ворвавшиеся в село белобандиты дерзнут «осквернить» божий храм («Плотник»).

Но таких рассказов, где есть человеческие характеры, живая мысль и чувство, в книге немного. Перед нами либо беспомощные попытки втиснуть целую человеческую жизнь в коротенький рассказ на четырех страничках («Горе»), либо бессюжетная и безобразная фактография («На заре», «На острове», «В море»).

И всюду лишь голый сюжет, почти без всяких попыток раскрыть психологию героев, мотивировать их поступки, нарисовать человеческие характеры.

А рядом рассказы, порочные в самой своей основе («Надежда Осиповна», «Калмыцкий брод»).

Председатель колхоза Гурьян (рассказ «Калмыцкий брод»), боясь засухи и голода, решает украсть несколько мешков семенного колхозного зерна. О его замысле «догадался» колхозник Лупанов и с ведома Гурьяна крадет зерно и для себя. Однако год оказался урожайным, и Гурьяна начинает мучить совесть, тем более, что по подозрению в краже зерна арестован его дядя Лаврентий. Лейтмотив рассказа — терзания Гурьяна, убедившегося, что он «зря подвел человека».

Автор с явным сочувствием рисует образ раскаявшегося Гурьяна, его ненависть к Лупанову («Зря спутался я с тобой. Хлеба на три года намолотили») и, в конце концов, заставляет своего героя признаться в совершенном преступлении. Но здесь возникает вопрос: ну, а если бы Гурьян не ошибся, если бы — засуха и голод? Тогда что? Тогда, повидимому, все было бы «в порядке», и этот здоровый и сильный человек ел бы втихомолку краденый хлеб, в то время как другие голодали. Хотел или не хотел этого автор, но вывод напрашивается только такой, ибо все переживания и раскаяние Гурьяна вызваны лишь одной причиной: зря украл — урожай-то ведь хороший!

Большинство рассказов беспомощно в композиционном отношении. Если в одних случаях Г. Коновалов пытается на нескольких страничках раскрыть сложные человеческие судьбы, то в других тот или иной факт, заслуживающий внимания как живая деталь, выразительный штрих, кладется в основу самостоятельного произведения («Ботинки», «Фриско»), и вокруг него нагромождаются всякие побочные линии и мотивировки, хотя все содержание рассказа можно было бы уложить на четверти страницы. За исключением отдельных выразительных пейзажных зарисовок, стандартны описания и характеристики, беден язык книги.

Большая часть рассказов, включенных в сборник, датирована тридцатыми-сороковыми годами. Повидимому, это первые, еще ученические опыты Г. Коновалова. В этом качестве они и могут представлять интерес, но, думается, лишь для самого автора, а не для широкого круга читателей.

Н. КАЛИТИН

БОЛЬШАЯ УДАЧА

В поэзии для детей часто еще простота и доступность формы достигаются тем, что поэт предпочитает говорить о вещах элементарных, о предметах, действительно несложных, выбирает темы пустяковые. В «Твоей книжке» (Платон Воронько. «Твоя книжка». Детгиз. 1952 г. 24 стр.) подлинная поэтичность сочетается с большой и ясной правдой. Книга глубоко содержательна, темы ее значительны.

В книжке два десятка до предела сжатых миниатюр — стихотворений в восемь, десять, шестнадцать строк. И какой большой мир, многоцветный, яркий, наполненный увлекательными делами, веселым и радостным смехом, а подчас и глубоким раздумьем, высокими помыслами предстает перед читателями. Много нового узнают они из своей книжки, над многим по-своему поразмыслят, призадумаются. С живым интересом они прочтут о том, что «По земле из края в край ходит мальчик Помогай». Этот сказочный мальчик посильно участвует в общем созидательном труде взрослых, работа его еще часто сродни игре, веселой, увлекательной.

Землекопы роют пруд,
Он и с ними делит труд:
Возит вырытый песок —
Аж кряхтит его возок.

И все же это по-настоящему сказочный герой, в котором ясно улавливаешь и накапливающуюся сказочную силу и неизбывную энергию, постоянное желание всем и каждому помочь. Сказочна во всей своей жизненной реальности и действительность, окружающая героя. Поэтому так естественно звучит полное ощущения радости заключительное двустишие этого стихотворения:

Что за славный это край,
Где растет наш Помогай!

...Люди сажают леса, пашут землю, озеленяют города, выращивают обильные урожаи. И в этом большом родном мире много дел для таких, как мальчик Помогай. Хорошее, гордое чувство законного и счастливого наследника, которому бесконечно дорога прекрасная Родина, пробуждают в сердце читателя эти стихи.

Герой еще мал, но за плечами у него славная биография предков: «Прадед был чапаевцем, дед мой был хасановцем. Мой отец — гвардеец летного полка». Естественно желание продолжить эту славную родословную: «Дам я слово: только подрасту, — буду, как чапаевцы, буду, как хасановцы, буду, как гвардейцы на посту!»

В книжке Платона Воронько много народного юмора, родственного лучшим фольклорным образцам. Поэт умеет так высказать поучение, что это не кажется навязчивым, ибо мораль у него естественно вытекает из самого стихотворного рассказа.

Хвалился кот,
Что перейдет
Разлив днепровский вброд.

Вот он пошел,
Да не пришел,
И, верно, не придет!
И ты напрасно не хвались.
Не можешь взяться — не берись!

В том, что стихи украинского поэта прекрасно звучат по-русски, несомненно, большая заслуга такого тонкого мастера перевода, каким является С. Маршак.

Хочется сказать и о рисунках, сделанных к этой книжке Н. Цейтлиным. Художник хорошо нарисовал зверей, птиц, пейзаж, но юные герои стихов удались ему хуже. Конфетным красавчиком выглядит мальчик Помогай; какого-то маленького уродца видим мы на рисунке к стихотворению «Пахать пора»; невыразительны, а в некоторых случаях даже просто непривлекательны лица мальчиков и девочек, идущих в школу, поливающих грядки, занятых рисованием.

В целом же «Твоя книжка» — одна из наиболее ярких поэтических книг для самых маленьких читателей среди изданных Детгизом в минувшем году.

Вл. НИКОЛАЕВ

ВТОРАЯ КНИГА

Юлия Друнина принадлежит к тому поколению советской молодежи, юность которой мужала на полях Великой Отечественной войны. Поэтому нет ничего странного в том, что многие стихи ее второй книги («Стихи», «Молодая Гвардия», 1952 г. 92 стр.) прямо или косвенно касаются пережитого в суровые военные годы.

Война и мир тесно переплетаются в стихах Друниной. Много новых стихов поэтессы связано с темой защиты мира, борьбы за мир («Немецкой молодежи», «Американской матери», «Пожары зовут — скорее!» и другие). Лучшими из них следует признать стихи «Вновь за поясом чувствую тяжесть гранаты» и «Дочка, знаешь ли ты...»

Часто поэтов обвиняют в том, что они пишут стихи на материале прошлого, якобы тем самым отрываясь от современности. Этот упрек может быть справедливым лишь в том случае, если поэт уходит в прошлое и пишет такие стихи, под которыми можно поставить только очень далекую дату. Но если поэт привлекает богатства своей памяти во имя важнейших забот настоящего дня, то такой упрек, конечно, будет несостоятельным. Потому и хорошо, например, стихотворение «Вновь за поясом чувствую тяжесть гранаты», что оно, в определенной мере являясь воспоминанием, однако не уводит нас в прошлое, а всей своей ситуацией и, особенно выводом, призывающим к борьбе за мир, служит одной из наиболее злободневных проблем. Но есть у Друниной стихи, действие которых происходит сегодня, но которые все же своей перспективой устремлены назад. Это такие стихи, как «В манеже», «Вот по нехоженым тропам», «Студентке», «На аэродроме». Вот, к примеру, стихотворение «В манеже». Девушка-подросток учится ездить на коне. Поэтесса, глядя на нее, вспоминает

...Хмурые Сальские степи,
Вдали — деревень костры,
Разрывы — лишь ветер треплет
Волосы медсестры.

и так далее.

Стихи кончаются словами: «такими и мы приходили в боевые полки». По этому же принципу построены и остальные упомянутые стихи. Создается впечатление, что поэтесса выбирает в настоящем именно то, что может ей напомнить о прошлом. Это — дорога в обратную сторону!

Из новых стихов Ю. Друниной хочется выделить стихотворения «Я немного романтик», «Дочери», «Рысью марш!» «Март». В них рассказывается о больших творческих замыслах, о молодости, о любви к Родине, о природе. Эти стихи — свидетельство широты возможностей поэтессы и в то же время того, что возможности эти используются мало. Ю. Друнина — поэт умелый. В ее стихах нет вычурностей, языковых шероховатостей. Однако ее вторая книга обладает одним заметным недостатком. С интересом прочитав ее, мы все же не можем к своему представлению об этом поэте прибавить чего-либо нового. Вторая книга поэта должна быть шагом вперед, новой вехой на его творческом пути. От Юлии Друниной можно потребовать более напряженного поиска. В ее новой книге есть несколько заметных удач. Их могло быть намного больше.

Владимир СОКОЛОВ

ЧТО ДЕЛАЮТ ЯНКИ В ПФАЛЬЦЕ

Прежде чем начать разговор о Пфальце, полезно познакомиться с номером западногерманской газеты «Нюрнбергер нахрихтен» от 20 января. Там воспроизведены циничные откровения американского военного обозревателя Хэнсона Болдуина, опубликованные в конце прошлого года в американском журнале «Сатердей ивнинг пост». Эти откровения проливают свет на характер агрессивных приготовлений США в Западной Германии.

Изложив изуверскую программу атомных атак на мирные города, воспев «достоинства» атомной бомбы и отравляющих веществ, этот бард американской военщины нисходит и до дел более «прозаических». Болдуину, например, не нравится, что в Западной Германии, на его взгляд, еще слишком мало минных полей. Правда, отмечает он, «к этому (к созданию минных полей.— **М. К.**) уже фактически приступили, но еще в далеко не достаточной степени». Ему не терпится начинять взрывчаткой каждый квадратный метр чужой территории. Прибегая к обычной для буржуазных гангстеров пера демагогии, он хочет запугать читателя несуществующей угрозой нападения с Востока, поднять на еще более высокий градус военную истерию, Болдуин пишет:

«Кроме того, следовало бы уже теперь создать рабочие колонны из числа гражданского населения и обучить их руководителей технике закладывания мин в широчайших масштабах... Важные мосты в американской зоне Германии уже готовы к уничтожению. Эта программа разрушения должна быть еще более расширена...»

Эти человеконенавистнические призывы одного из последователей спятившего Форрестола имеют под собой, к сожалению, вполне реальную почву. Болдуин пишет о том, что знает. Пример Пфальца достаточно красноречиво свидетельствует, насколько далеко зашли в Западной Европе авторы кровавой корейской авантюры.

Итак, что же происходит сейчас в Пфальце?

Земля Рейнланд — Пфальц — один из красивейших районов страны. Издавна эти места славятся прекрасными пейзажами и отличным виноградом. Доброе рейнское вино в значительной мере обязано своей известностью трудолюбию местных виноделов.

«Нет в Германии уголка милее нашего Пфальца», — говорится в старинной народной песне.

Сейчас, впрочем, правильнее сказать: «говорилось». В Пфальце не поют больше этой песни. Ее слова звучали бы горькой насмешкой над нынешней судьбой этой западногерманской земли.

Теперь здесь слышатся иные звуки... Воздух разрывается от зловещего посвиста реактивных самолетов. Земля гудит под гусеницами тяжелых танков. Тишина заповедных лесов нарушена разрывами артиллерийских снарядов. Даже при гитлеровском режиме тут не видали такого! Тревожат население звуки и другого рода: рев американского джаза и пьяное улюлюканье американских солдат...

— Мы живем, словно на фронте,— говорят мирные жители, не узнавая родных мест.— Был Пфальц, а теперь здесь, извольте радоваться, «стратегический треугольник».

«Стратегический треугольник»... Этот термин все чаще применяют к Пфальцу. Так называют ныне обширный район, ограниченный реками Рейн, Мозель и Саар. В соответствии с агрессивными планами американских империалистов, при холопском усердии реваншистского «правительства» Аденауэра, район этот превращается в большой военный лагерь. Тут безраздельно хозяйничает наглая американская военщина.

Аэродромы и казармы. Полигоны и склады боеприпасов. Запретные территория и «маленькие Америки» — целые города, специально создаваемые для янки. Таков теперь облик земли, кормившей своими пло-

СЛЕВА — на улицах Кайзерслаутерна (земля Рейнланд — Пфальц) американские империалисты выставили оружие для обозрения. По мнению янки, эта пропагандистская затея должна была «воодушевить» западногерманскую молодежь, вызвать у нее желание вступить в спешно возрождаемый фашистский вермахт, чтобы умереть затем ради интересов Уолл-стрита. Однако американские орудия убийства не вызвали у населения восторга; несколько безработных и школьников, изображенных на фотографии слева, — вот единственные посетители американской выставки. Но и они не проявили никакого желания воспользоваться американским оружием и распрощаться с жизнью... СПРАВА—типичная картина на дорогах Пфальца: американская военная автомашина, американские солдаты... На немецкой земле они создают плацдарм агрессии.

дами миллионы людей в Германии и за ее пределами.

Вся эта милитаризация проводится в лихорадочном темпе, в подозрительно крупных размерах. Для чего же? Объяснение самое простое. Его без обиняков высказал, например, английский еженедельный журнал «Пис ньюс». В конце прошлого года там была помещена статья, в которой черным по белому написано:

«Какую трагедию принесут Кайзерслаутерну (одному из главных пунктов «стратегического треугольника». — **М. К.**) ближайшие годы? Ведь он является центром колоссального сосредоточения военной мощи и вооружения, создаваемого с целеустремленностью на Восток...»

На Восток! Вот оно, истинное назначение американских приготовлений в Пфальце. Зарвавшиеся стратеги Пентагона рассматривают этот район, прежде всего, как военный плацдарм для нападения на Германскую Демократическую Республику, страны народной демократии и Советский Союз.

Берлинская демократическая газета «Форвертс», поместившая недавно эту карту **(в центре)**, наглядно показала лицо Пфальца под господством американской военщины. Куда ни взгляни — всюду авиационные базы, склады боеприпасов, полигоны, лазареты, танкодромы, войсковые соединения (на карте они обозначены соответствующими значками). Все представлено в таких масштабах, которые ясно говорят об агрессивном характере этого нагромождения боевой техники, боеприпасов и войск. Маленькая карта в левом нижнем углу схематически показывает, против кого именно нацелены оперативные планы войсковых штабов, расквартированных в Западной Германии, — против стран лагеря мира.

Вот некоторые факты, рисующие нынешнее положение дел в Пфальце. Они приведены газетой «Форвертс».

В пяти километрах от Кайзерслаутерна, в лесу Рейхсвальд и на месте маленькой деревни Фогельвэ, создается «чисто американский город». В нем расселяются 10 тысяч американцев. Уродливые многоэтажные дома-коробки в «нью-йоркском вкусе», как поганые грибы, вырастают в заповедных курортных местах.

Близ Ландштуля ведется строительство другой «маленькой Америки» — на 6 тысяч янки из военно-воздушных сил. Между этим пунктом и деревней Рамштейн — недавно созданные аэродромы, частично находящиеся под землей.

Так, звено за звеном, опоясывает Пфальц цепь американских гарнизонов.

К безобразным домам «маленьких Америк» неизменно примыкают полигоны и аэродромы. Только вблизи одного раньше тихого курорта Бад-Крейцнах сооружаются четыре аэродрома. Неподалеку от шоссе Бад-Крейцнах — Кобленц почти закончено сооружение двух других. В десяти километрах от Баумхольдера построена мощная радиолокационная станция. В том же районе создан научно-исследовательский институт, в котором проводятся эксперименты по подготовке бактериологической войны.

Этот список можно было бы продолжить, но довольно и названного. Остается лишь добавить, что только прошлогоднее военное строительство американцев в «стратегическом треугольнике» обошлось западногерманскому населению в огромную сумму — 1 миллиард марок.

Немцы с каждым днем все больше убеждаются в том, что этот миллиард употреблен во зло им. Мало того, что в земле Рейнланд—Пфальц установлен, по сути дела, колониальный режим. Крупные средства затрачиваются на такие опасные меры, как, например, сооружение подрывных камер. Американским агрессорам наплевать на то, что жители Пфальца не хотят сидеть на пороховой бочке. «В случае военной необходимости» янки готовы взорвать города и дороги, мосты и электростанции. Иными словами, некогда цветущему плодородному краю планомерно готовится участь «выжженной земли», второй Кореи.

Уже сейчас есть много участков, где все живое обречено смерти. Вот, например, какие объявления то и дело встречаются жителям Пфальца **(снимок внизу слева)**:

ОСОБО ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА.

Вход воспрещен. Бродить вокруг запрещено. Фотографировать запрещено.

Нарушители могут быть застрелены или подвергнуты преследованию по закону.

Как видим, мирным жителям грозит смертью каждый шаг, ибо по ту сторону колючей проволоки солдаты-янки усиленно упражняются именно в искусстве убивать людей...

Военная машина агрессоров часто не умещается в рамках обширных запретных зон. И тогда танки выползают на поля крестьян, безжалостно губя посевы, калеча дороги, а часто и дома. Свирепый бог войны в облике моторизованного американского «ада на колесах» и прочих войсковых частей устраивает маневры и учения почти беспрерывно. «Во всяком случае дожди осенью мы видим реже, чем танковые колонны», — с горечью говорят крестьяне.

Им приходится очень туго. Общеизвестны крупные масштабы земельных конфискаций, произведенных по требованию оккупационных властей.

К огромному ущербу от земельных конфискаций, маневров, создания запретных зон, взрывных камер и т. д. надо прибавить еще один бич — бесчинства американских войск, пагубное влияние гангстерской заокеанской «культуры» на местное население. Кражи, грабежи, насилия и убийства, чинимые американцами, стали такой же обычной принадлежностью местной жизни, как и крикливые рекламы фирмы, выпускающей «кока-кола».

Трагедия Пфальца — это, в сущности, трагедия всей Западной Германии. Усилиями империалистов США и боннской клики реваншистов Западная Германия превращается в сплошной военный плацдарм. Зачем и против кого — достаточно хорошо известно.

Однако немецкий народ не намерен мириться с участью, которую готовят ему магнаты Уолл-стрита и монополисты Рура. Пфальц, как и другие районы Западной Германии, охвачен пламенем народного возмущения. Именно здесь родился пример боевого содружества крестьян деревни Зембах и рабочих-строителей. Общими силами они вот уже полтора года мешают постройке на их земле крупного американского аэродрома. Во многих пфальцских деревнях успешно действуют общества борьбы против земельных конфискаций. Забастовки немецких строителей в минувшем году не раз срывали сроки сооружения различных военных объектов.

— Пусть янки убираются вон! Пфальц должен стать мирной землей, — говорят немцы.

Борясь за осуществление этой цели, они добиваются мира и счастья для своего родного дома, для всей страны.

М. КАРПОВИЧ

БЕРЛИН

«Стратегический треугольник» между Мозелем и Рейном, который американские империалисты превращают в свою военно-опорную базу в Западной Германии. Значками указано местонахождение аэродромов, складов боеприпасов, полигонов, госпиталей, танкодромов, казарм. На схеме в левом нижнем углу показано, против кого нацелен этот военный плацдарм — против Германской Демократической Республики, против Чехословакии и других стран лагеря мира.

Карта из немецкой газеты «Форвертс»

«Особо запретная зона. Вход воспрещен...» — гласят надписи на этой табличке, сделанные на трех языках. Такими запретными зонами покрыта сейчас вся территория Пфальца.

Снимок из немецкой газеты «Форвертс»

Через несколько дней, 22 февраля, в Австрии состоятся парламентские выборы. Правящая коалиция, в которую входят австрийская народная и социалистическая партии, предпринимает лихорадочные меры, чтобы возвратить потерянное доверие избирателей. На предвыборную агитацию тратятся огромные денежные средства. Платные пропагандисты сулят избирателям «золотые горы», твердят о заслугах нынешнего правительства. Но факты ежедневно и каждочасно опровергают эти лживые утверждения.

Вот две характерные картинки из жизни современной Австрии. Что изображено на фотоснимке внизу? С проехавшей по шоссе автомашины упало несколько кусков угля, и тотчас же прохожие бросились подбирать их — австрийская зима не так уж мягка, а топливо очень дорого... Другая фотография, справа: плакаты на стенде восхваляют австрийское правительство и якобы высокий жизненный уровень населения. Но как разительно контрастирует с фальшивыми заверениями американизированной официальной пропаганды вид этой бедствующей жительницы Вены, выискивающей объедки в мусорном ящике!..

Правящие круги Австрии, осуществляя политику подчинения американскому диктату, довели страну до серьезного экономического кризиса. Австрийский избиратель по горло сыт пустыми обещаниями, которыми его кормили до сих пор партии американских прислужников. И потому все более многолюдными становятся собрания и митинги, проводимые прогрессивным избирательным сообществом «Австрийская народная оппозиция», в которое входят коммунисты, левые социалисты, различные демократические организации.

Снимки из австрийского журнала «Вельт-иллюстрирте»

СЛАВНАЯ ПОБЕДА НАШИХ СКОРОХОДОВ

Сорок три года назад в Хельсинки Николай Струнников, первым из русских скороходов, выиграл официальное первенство мира по конькам. Еще раньше в Амстердаме, в трехдневных соревнованиях, которые разыгрывались по несколько иной системе, чем теперь, звание лучшего конькобежца мира завоевал другой русский — А. Паншин.

Не раз с успехом выступали за рубежом русские скороходы, выигрывая у самых прославленных чемпионов и рекордсменов. Богата была спортивными талантами Россия, но только одиночкам удавалось проявить себя, получить возможность участвовать в крупных международных состязаниях. А скольким способным спортсменам приходилось вообще сойти с ледяной дорожки, отказаться от спорта!

Советские годы являются годами расцвета всего нашего спорта, и в том числе конькобежного. Хотя наши скороходы почти не участвовали в розыгрыше официального первенства мира, но они много раз одерживали победы в зарубежных соревнованиях, улучшали мировые рекорды. Ныне в Хельсинки Олег Гончаренко первым из советских спортсменов завоевал золотую медаль чемпиона мира по конькам. Борис Шилков занял второе место, получив серебряную медаль.

Победа Олега Гончаренко и Бориса Шилкова особенно дорога потому, что в их лице победила молодая поросль советского конькобежного спорта. Олег Гончаренко еще молод, ему 21 год. Он родился и вырос в Харькове. В составе сборной молодежной команды Москвы О. Гончаренко появился в 1947 году. Уже тогда, наблюдая его бег, мы, старые ветераны конькобежного спорта, обратили внимание на замечательные физические данные юноши. Результаты, показанные в Хельсинки, не являются пределом для этого молодого, только формирующегося скорохода. Он может и должен улучшить технику бега на 500 метров, показать лучшие результаты и в беге на остальные дистанции.

Борису Шилкову — 26 лет. Он техник-конструктор Кировского завода в Ленинграде. Б. Шилков — вполне сложившийся мастер, прекрасно владеющий техникой. В Хельсинки он не проявил полностью

О. ГОНЧАРЕНКО   Б. ШИЛКОВ

своих способностей, что вызвано, повидимому, недавно перенесенной им простудой.

А в одном ряду с Б. Шилковым можно назвать еще десяток фамилий наших молодых конькобежцев — спортсменов международного класса.

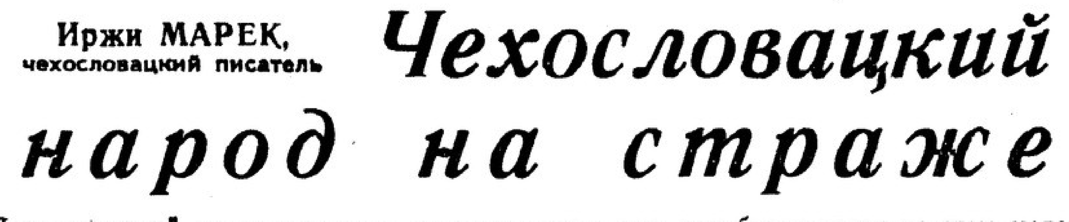
Тем и отрадно сегодняшнее состояние советского конькобежного спорта, что у нас имеется неплохой резерв отличных скороходов, из которых можно было бы составить несколько хороших сборных команд. Если нам удастся в ближайшие годы улучшить работу со школьниками старших классов, создать еще несколько образцовых юношеских спортивных школ, если руководство этими школами возьмут на себя лучшие тренеры, то количество первоклассных скороходов в нашей стране, безусловно, удвоится и утроится.

Победа в Хельсинки окончательно посрамила тех зарубежных «скептиков», которые не желали признавать советские рекорды. Известно, что за последние годы наши скороходы на высокогорном катке под Алма-Атой множество раз били рекорды мира. Ими были показаны настолько блестящие результаты, что за рубежом у некоторых спортивных комментаторов это вызвало попытки опорочить наши достижения. Результаты недавней встречи со шведами в Москве, а теперь и первенства мира в Хельсинки окончательно доказали, что СССР и в области конькобежного спорта занимает такое же бесспорное первое место в мире, как, например, в шахматах.

В субботу и воскресенье 21 и 22 февраля в Осло (Норвегия) начнется розыгрыш первенства мира по скоростному бегу на коньках для женщин. Мы не сомневаемся в хорошем исходе этого состязания для спортсменок СССР, которые вот уже много лет не имеют себе равных за рубежом.

Я. МЕЛЬНИКОВ,
заслуженный мастер спорта

Иржи МАРЕК,
чехословацкий писатель

Чехословацкий народ на страже

Чехословацкий народ отмечает знаменательную годовщину: прошло пять лет после насыщенных событиями февральских дней, после разгрома реакции, пытавшейся изменить ход исторического развития Чехословакии.

Чехословацкий народ отмечает знаменательную годовщину: прошло пять лет после насыщенных событиями февральских дней, после разгрома реакции, пытавшейся изменить ход исторического развития Чехословакии.

Что происходило в нашей стране до февраля 1948 года? На этот вопрос с исчерпывающей ясностью ответил в речи на недавней национальной конференции Коммунистической партии Чехословакии ее председатель, президент республики Клемент Готвальд: «Тогда американские империалисты делали ставку, прежде всего, на явно реакционный блок, который легально действовал внутри правительства Национального фронта и которым руководил из-за кулис Бенеш. С помощью этого явно реакционного блока западные империалисты хотели в подходящий момент произвести реакционный переворот, вырвать Чехословакию из лагеря мира и социализма, подчинить ее снова империалистическому владычеству и восстановить в стране капитализм».

...Февраль 1948 года. Реакция, спрятавшаяся было после мая 1945 года, захватывает все новые и новые позиции. Ее открыто поддерживают западные империалисты...

19 февраля в пятом часу утра американский посол г-н Штейнгардт спешно вернулся самолетом из США в Прагу. Он созвал западных журналистов, чтобы рассказать им о том, как будет надет на шею молодой Чехословакии хомут «плана Маршалла». Посол США и не подозревал, что рабочие на заводах уже давно приняли решение, что они не дали соблазнить себя мишурой «плана Маршалла», что они признают только свой двухлетний план восстановления страны.

На другой день после возвращения Штейнгардта в Прагу министры из реакционных национально-социалистической и народной партий не явились на заседание возглавляемого Готвальдом правительства. Они хотели тем самым вызвать кризис правительства и расколоть Национальный фронт. Мало кому приходило тогда в голову, что существует связь между спешным возвращением американского посла и портфелем министра Дртины, который он прислал вместо себя в зал заседаний правительства.

Да и как могло быть иначе! Они действовали по инструкциям западных хозяев, и вся эта комедия была только прелюдией к осуществлению давно подготовленного и одобренного Бенешем плана: изгнать коммунистов из правительства. Они рассчитывали так: наверху будет произведен переворот, ну, а если внизу «заговорит улица», то реакционное офицерство и некоторое количество старых надежных жандармов в корпусе национальной безопасности готовы успокоить ее. Республика развалится.

Для господ лакеев доллара народ был только уличной толпой, с которой нечего считаться. Но решал народ.

Через два часа после отказа министров— организаторов путча—явиться на заседание правительства в Прагу приехала делегация трудящихся Мостецкого угольного района. Она явилась к Зенклу, председателю национально-социалистической партии. Он оказался перед людьми, против которых устраивал заговор. Твердо и честно говорили рабочие Зенклу:

— Если вы решитесь итти против нас, мы остановим работу!

В этот момент в кабинет вошел Дртина, состоявший когда-то при лондонском радиовещании оратором для парадных случаев. Он обрушился на рабочих:

— Вы — коммунисты, и вам нечего приходить к нам. Идите к коммунистам!

И тут поднялось много рук с билетами национально-социалистической партии. Дртина в затруднении: он должен говорить с членами своей партии. Но на помощь пришел генеральный секретарь национально-социалистической партии, изобличенный потом агент гестапо—Крайина. Он увел Зенкла и Дртину к телефону, на проводе которого их ждал (или будто бы ждал) президент...

— Пойдем к коммунистам, пойдем к Готвальду, там правда!—Так решили мостецкие ходоки.

События нарастали. Папский нунций в Праге отменил все аудиенции и вылетел специальным самолетом в Рим. Еще не было издано официальное сообщение об уходе министров из правительства, а иностранное радио уже трубило об этом — информацию распространяло американское агентство Юнайтед Пресс. По странной «случайности» как раз в эти дни «на отдых» в Чехословакию прибыли 40 американских офицеров. Почти одновременно была разоблачена группа реакционных чехословацких офицеров...

...Стояла плохая февральская погода, в горах — метели и сугробы. Но на дорогах республики неумолчно гудели автомобили, разносившие важную весть: партия призывает массы к поддержке правительства Клемента Готвальда.

Со всех концов страны рабочие направляли товарищу Готвальду резолюции своих собраний. «Нам нужно революционное правительство», — говорилось в них. Народ принял решение. Не принимал отставки министров-реакционеров, выжидал только президент Бенеш.

21 февраля в Праге стоял трескучий мороз. Министры-реакционеры узнали, что коммунисты созывали в этот день митинг на Староместской площади. Они улыбались: кто соберется, мол, в такую погоду. А между тем пражские мостовые гудели под шагами тысяч людей. Задолго до назначенного часа площадь была заполнена. Встреченный бурными приветствиями, Готвальд предложил в своем выступлении пополнить правительство верными народно-демократической республике людьми, призвал народ к боевой готовности, к созданию комитетов действия, которые взяли бы власть на местах в свои руки.

На другой день после митинга в самом большом зале Праги — в Доме промышленности—на съезд заводских советов и Единого профсоюзного движения, возглавляемого Антонином Запотоцким, собралось 8 тысяч делегатов. Съезд поддержал линию Готвальда. На 24 февраля была назначена часовая забастовка протеста против происков реакции. Этот час показал силу народа.

И еще один съезд происходил 22 февраля — съезд Союза чехословацко-советской дружбы. Он нанес сильнейший удар по замыслам империалистической реакции оторвать Чехословакию от лагеря друзей СССР. Реакционеры пытались с помощью демагогии ввести народ в заблуждение. Но разве можно обмануть бдительность простых людей, заглушить чувство глубокой благодарности СССР, принесшему нам свободу?

Страна бурлила. Комитеты действия приступали к энергичной работе. На глазах у растерянных реакционеров рассыпались их партии. Начались побеги потерпевших крах путчистов к их западным хозяевам.

25 февраля народ, собравшийся на Вацлавской площади Праги, с восторгом выслушал сообщение председателя Совета министров Клемента Готвальда о том, что президент принял отставку министров и назначил новое правительство возрожденного Национального фронта. Над Прагой зазвучал боевой и славный гимн «Интернационал».

...Пять лет прошло после февральских дней 1948 года. Чехословакия идет с тех пор ясным и прямым путем. Разумеется, этот путь не был легким. Проиграв в открытом бою, американский империализм не прекратил своих происков против моей родины. Прямым продолжением заговора реакции в феврале 1948 года явилась вредительская деятельность банды шпионов и изменников, возглавляемой Сланским. Выступая на национальной конференции Компартии Чехословакии, Клемент Готвальд сказал: «Оказалось, что конечная цель этого заговорщического центра по существу та же, какую ставили перед собой в феврале 1948 года побежденные реакционные путчисты».

Народ дал сокрушительный отпор империалистической агентуре. Так он ответит каждому, кто попытается помешать его строительству, осквернить его братскую любовь и союз с советским народом.

От 9 мая через 25 февраля наш путь ведет в будущее, полное радости. Чехословацкий народ на страже. Бдительность — наш верный союзник в борьбе против происков врага.

ПРАГА

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08 69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00809.